Миссионерское Обозрение

№ 4 (198) / 2015

Издание Синодального миссионерского отдела
Московского Патриархата Русской Православной Церкви

Путешествие на Сахалин: от крещения на реке Лютога до освящения походного храма стр. 13

Друг для друга и для своей земли. Заметки из миссионерских сплавов по Братской епархии стр. 4

Миссионерское общество Екатеринбурга в 1905-1915 годах стр. 28

Путешествие на Сахалин: от крещения на реке Лютога до освящения походного храма

m.obozrenie@gmail.com

Содержание

4 Друг для друга и для своей земли
§ Марина Андрейчикова, Инна Маковская

10 В 300 километрах к северо-востоку от Магадана
§ Виталий Маничкин

13 Путешествие на Сахалин: от крещения на реке Лютога до освящения походного храма на буровой установке
§ Священник Александр Гинкель

19 По северным морям
§ Священник Михаил Артёменко

22 Духовное значение пения в богослужебной культуре как миссия среди воцерковленных
§ Священник Максим Василюк

28 Миссионерское общество Екатеринбурга в 1905-1915 годах
§ Н.С. Каримова

35 Смерть – подвиг или трагедия?
§ Священник Александр Гинкель

38 На краю света. Из воспоминаний архиерея
§ Н.С. Лесков

m.obozrenie@gmail.com

Друг для друга и для своей земли

Участники миссионерского сплава по Нижней Тунгуске вернулись в Братск

§ Марина Андрейчикова
и Инна Маковская,
пресс-служба Братской епархии

9 июня в труднодоступные села Катангского района, куда добраться можно только по воде, отправились одиннадцать представителей Братской епархии во главе с епископом Братским и Усть-Илимским Максимилианом. Помимо священников ехали и миряне: педагоги православной гимназии, сотрудники социального отдела епархии, певчие и журналисты. Подобные экспедиции осуществляются уже третье лето подряд: в 2013 году сплавлялись по Лене, прошлым летом к ленскому маршруту добавился и нижне-тунгусский. Так что в этом году люди, живущие без своих храмов и священников, миссионеров ждали. Во всех населенных пунктах, куда заехали братчане, жители принимали крещение. Так, двадцать новых членов Православная Церковь приобрела в эвенкийском поселке Хамакар, где православные священники побывали впервые.

Во всех селах были отслужены панихиды, по просьбе жителей освящались жилые дома и социальные объекты, проводились встречи с педагогами и представителями местной власти. Во многих селах служили Божественную литургию, давая возможность верующим приступить к главному Таинству. В подарок люди получали Евангелие, православную литературу и иконки святого князя Владимира.

В ходе этой экспедиции было освящено Даниловское нефтяное месторождение

и база геодезистов в поселке Калинино. В заброшенном селе Гаженка был установлен поклонный крест.

Приятные вести ожидали миссионеров в самых крупных селах – Подволошино и Преображенка. За минувший год живущие в них православные сплотились, образовали приходы и теперь намерены строить храмы.

Проведя в непрерывной дороге две недели, преодолев по воде и по воздуху сотни километров, 25 июня миссионеры вернулись в Братск. Но лишь на несколько дней. В начале следующей недели запланирован очередной сплав. Теперь – по Лене.

– Мы предпринимаем шаги, которые можно даже назвать неэффективными с точки зрения вложения сил и средств, – комментировал в одном из своих интервью епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан подобные экспедиции. – Допустим, если устраивать мероприятие в городе с населением 150 тысяч, то можно надеяться, что на него придет достаточно много людей. А здесь – добираемся целой командой либо по реке на катере, либо на вертолете, а в селе живет три человека, какой тут эффект? Еще 100 километров преодолели, еще одно село, в нем два человека живут... Но мы предпринимаем такие поездки, чтобы каждый человек имел возможность поговорить со священником, креститься (если он не крещен), приобщиться Святых Таин. Мы совершаем в этих селах литургию, иногда в полуразрушенных храмах, разгребаем завалы мусора, кирпича, расчищаем какое-то место и служим архиерейским чином. Для села это каждый раз большое событие. А еще есть села, где уже никто не живет, но там были когда-то храмы, и мы приезжаем в эти умершие села и на месте храмов ставим поклонные кресты. Поначалу на нас смотрят, как на инопланетян. А потом говорят: «Наконец-то вы приехали, а то нас тут сектанты одолели, сколько раз уже приплывали на своих кораблях. Но мы их всех прогоняем. Мы знаем, что у нас есть своя Православная Церковь». Мы, конечно, не очень похожи на тех миссионеров, которые шли по диким местам пешком и погибали в буранах. Наше миссионерство гораздо более комфортное, но оно очень много дает. И тем людям, к которым мы стремимся, и нам самим.

Завершилась июльская миссионерская поездка духовенства Братской епархии по Лене

На этот раз путь лежит на Нижнюю Лену, в Киренский район. Здесь расположено большое количество сел, куда очень непросто добраться.

Территория района находится на попечении игумена Иосифа (Хаснутдинова). Конечно, для одного священника это огромная площадь, и очень трудно уделить достаточное внимание своей пастве, поэтому по благословению владыки Максимилиана помогают отцу Иосифу в окормлении деревень благочинный Казачинско-Ленского благочиния протоиерей Иоанн Боричевский и руководитель миссионерского отдела епархии иерей Олег Зырянов, а летом, когда вода в Лене удобна для хода баржи, в путь отправляется миссионерская команда.

В этом году команда состоит из 18 человек: епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан, протоиерей Олег Зырянов из Усть-Кута, протоиерей Иоанн Боричевский из пос. Магистральный, протоиерей Георгий Янков из Новой Игирмы, протоиерей Димитрий Фиканюк из Белгорода, протодиакон Георгий Протасюк, иподиаконы Александр Осипов, Геннадий, Михаил Шевченко, семинарист из Белгорода Стефан Курдюков, Сергий Осипов, Николай Комиссаров, регент матушка Марина Филиппова, фотокорреспондент журнала «Фома» Юлия Маковейчук, телеоператор Братской епархии Игорь Селивончик, Галина Николаева из миссионерского отдела при храме Образа Спаса Нерукотворного г. Усть-Кута и сотрудник епархиального отдела образования Инна Маковская.

Епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан:
– Мы предпринимаем шаги, которые можно даже назвать неэффективными с точки зрения вложения сил и средств. Добираемся целой командой, а в селе живет три человека. Еще 100 километров преодолели, еще одно село, в нем два человека живут... Но мы предпринимаем такие поездки, чтобы каждый человек имел возможность поговорить со священником, креститься (если он не крещен), приобщиться Святых Таин.

Территория, которую посетила миссионерская группа, достаточно обширна: от г. Усть-Кута до пос. Визирный, более 1000 км по Лене.

Каждому из членов миссионерской группы досталось дело: священники беседовали с людьми о православной вере, о сути настоящей жизни в Боге, крестили желающих изменить свою жизнь (их оказалось 389 человек). Владыка встречался с руководителями администрации каждого населенного пункта и с предельной заинтересованностью обсуждал с ними вопросы духовного просвещения жителей этого поселка, организации молельной комнаты для нужд населения, состояния разрушенных за годы безбожной власти храмов в поселках.

Особое внимание уделялось беседам с людьми. Наше время, столь благоприятное для возрождения традиций Православной России, таит в себе особые искушения. Часто к Таинству Крещения и к Церкви люди относятся как к чему-то магическому, что должно непременно улучшить их жизнь, здоровье, решить все проблемы. Миссионе-

ры терпеливо и искренне старались довести до понимания пришедших на встречу, что главное в вере – Сам Бог, и нужно не бояться впустить Господа в свою жизнь, доверять Ему, не бояться изменить свою жизнь для Бога, изменить себя, свое сознание и свои привычки ради Него и Жизни Вечной: «Когда-то человек покрестился или его вынудили покреститься. Часто человек говорит, что у него Бог в душе, и получается, что его приводят в храм два раза: креститься и приносят отпевать. Но ведь он пришел в храм жить! А где же он был в промежутке? Бог – Личность. Он мой личный Спаситель. Он хотел, чтобы я шел Его путем. Я ношу крест, чтобы идти за Христом, жить по заповедям».

Много вопросов вызывала тема строительства храмов в селах, открытия молельных комнат. Владыка с сердечной теплотой и особой строгостью, которая возникает только как плод любви, помогающей человеку преодолевать свои немощи во имя преображения его души, терпеливо объяснял, что храм – это не здание, что главное

– чтобы было кому туда прийти. «Можно с Божией помощью возвести красивейший храм, но ради чего? Будет ли он стоять пустым и красивым, или он будет местом, куда односельчане будут спешить, чтобы прославить Бога?» – задавали вопрос священники, и этот вопрос был обращен к каждому пришедшему на беседу. «Нужно созидать общий приход, молиться вместе, молиться друг за друга и за свое село», – наставлял епископ Максимилиан, советуя строить храм всем миром, как это всегда делалось на Руси, а также мудро и спокойно учил людей не заражаться вирусом потребительства: очень важно не ждать, когда появится «добрый дядя» и даст денег или построит храм, куда мы придем потом со своими требовательными просьбами, а нужно потрудиться самому, потрудиться всем вместе.

Много внимания уделяли миссионеры рассказу о жизненном выборе святого князя Владимира, 1000-летие со дня преставления которого отмечается в этом году и жизнь которого после принятия Крещения может всем нам послужить добрым примером.

Помимо этого, членами миссионерской группы были организованы просветительские беседы с детьми, а также демонстрация фильма о жизни, вере и делах святого князя.

Также в рамках миссионерской поездки было положено начало сотрудничества образовательного отдела Братской епархии с директорами школ посещаемых сел и деревень. В частности, помимо обмена контактами, достигнута договоренность о совместной с епархией проектной деятельности учащихся школ и об участии в образовательных конкурсах Патриархии.

Уже почти месяц, как миссионерская группа вернулась домой, но миссионерство на этом совсем не закончилось. Самое трудное – сохранить зажженный огонь веры в себе и в тех, кого ты позвал к Богу, понимая, что другая жизнь просто не имеет смысла. Поэтому завтра, послезавтра и каждый день любого из нас ждет служение – каждого на своем месте и тем даром, какой получили...

Фото Дмитрия Пономарева

В 300 километрах к северо-востоку от Магадана

§ Виталий Маничкин,
студент Белгородской духовной семинарии

19 февраля 2015 г. по благословению Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Белгородского и Старооскольского, наша миссионерская группа (иерей Кирилл Тульнов и воспитанник 3-го курса Белгородской Православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью) Маничкин Виталий) вылетела в г. Магадан.

По прибытии нас встретил сотрудник епархиального управления, который доставил нас в Свято-Троицкий кафедральный собор г. Магадана.

21 февраля наша миссионерская группа приняла участие во всенощном бдении накануне воскресного дня, в день обретения мощей святителя Иннокентия Иркутского. Также в этот день отец Кирилл заступил на богослужебную череду в храм Святого Духа г. Магадана, а воспитаннику Маничкину Виталию было дано послушание иподиакона, певчего и пономаря в Свято-Троицком кафедральном соборе.

Через три дня наша миссионерская группа встретилась с епископом Магаданским и Синегорским Иоанном, с которым были обговорены все миссионерские задачи.

Через месяц наша группа по благословению владыки была отправлена для несения миссионерского служения в поселок Тахтоямск Ольского района Магаданской области. Тахтоямск расположен примерно в 300 км к

северо-востоку от г. Магадана на берегу залива Шелихова в устье реки Тахтояма. Добраться в поселок можно только вертолётами, которые летают туда всего два раза в месяц. Население Тахтоямска составляет около 200 человек. Большинство местных жителей (не менее 90%) крещены и считают себя православными, но они не воцерковлены. Это можно объяснить тем, что в современном Тахтоямске долгое время не было храма, вернее он был, но в конце 30-х годов прошлого века его разрушили, а новый храм появился в поселке всего полтора года назад.

По приезде в Тахтоямск нашу группу встретили местные жители и помощник главы посёлка, который вручил нам ключи от молитвенного дома, где был отслужен благодарственный молебен.

Местные жители очень обрадовались нашему приезду и стали регулярно приходить к нам в гости. За первым богослужением присутствовало 5 человек. После богослужения мы поближе познакомились с прихожанами и сразу поняли, что местные жители очень добрые и на редкость сплоченные люди. На данный момент главным видом их деятельности является рыбная ловля и охота, и потому нужду в продуктах питания мы не испытывали никогда.

Дальнейшую реализацию нашей миссионерской деятельности мы начали с визита в местную школу, где договорились с директором о сотрудничестве, которое включало в себя посещение школы два раза в неделю с целью проведения бесед на духовные темы и показов православных фильмов. Мы были приятно удивлены, когда на наши духовные встречи приходили не только дети, но и взрослые.

Конечно, основной целью нашего пребывания в поселке Тахтоямск являлось пастырское окормление жителей поселка, а также популяризация православной веры.

Наша миссионерская группа составила план богослужений, которые проходили в следующем порядке: каждую пятницу совершался молебен о путешествующих на рыбалку и охоту, по субботам совершалась Божественная литургия и всенощное бдение, а в воскресенье служилась Божественная литургия.

В праздник Входа Господня в Иерусалим нами была совершена Божественная литургия, на которой присутствовало 11 человек, среди которых было 4 человека с пограничной заставы. В этот же день наша миссионерская группа лично познакомилась с пограничниками. В ходе беседы мы предложили им сотрудничество в виде проведения совместных классных уроков в школе на военные и духовные темы.

В преддверии праздника Пасхи мы встретились и побеседовали с работниками администрации и жителями поселка о значении Великого праздника. На следующий день нами были освящены пасхальные яйца и куличи, а в самом храме подготовка к празднику шла полным ходом. Перед совершением пасхального богослужения к нам пришел местный столяр, который попросил нас о совершении над ним Таинства Крещения. Мы с огромной радостью отозвались на его прошение, и на праздничном богослужении местный житель присутствовал уже как православный христианин. Знаменательно в этот праздник прозвучали слова пасхального прокимна: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Всего же на Пасхальном богослужении присутствовало 26 человек. После Божественной литургии все прихожане были приглашены на пасхальную трапезу, приготовленную нашей миссионерской группой.

Но даже в таком малонаселенным поселке мы столкнулись со страшной проблемой XXI века – проблемой сект. Один из преподавателей школы оказался баптистом, и дабы уберечь людей от ложного учения, наша группа взялась за решение этой насущной проблемы. Мы регулярно стали проводить с ним беседы, в ходе которых нам удалось убедить преподавателя в неверности баптистского учения и обратить его в православие. После чего он стал постоянным прихожанином храма и даже исполнял послушание пономаря.

По благословению владыки через некоторое время мы вернулись в Магадан. Отец Кирилл отправился для служения в собор сошествия Святого Духа на апостолов, а воспитанник Православной духовной семинарии был назначен охранником собора и преподавателем детского класса воскресной школы. Также наша группа приняла участие в открытии памятника святителю Иннокентию, митрополиту

Московскому и Коломенскому, на центральной площади г. Магадана.

Вскоре мы снова отправились в поселок для миссионерского служения. В Тахтоямске наша группа была приглашена ежедневно посещать детский школьный лагерь, что позволило нам ежедневно общаться с детьми.

За время миссионерской командировки в Тахтоямск с 24 марта 2015 года по 8 сентября 2015 г. нами было совершено шестьдесят четыре Божественные литургии, три крещения, четыре заказных панихиды, одно обращение из баптизма, а также нами была освящена одна квартира и одно почтовое отделение. Все таинства и требы совершались бесплатно.

В таком режиме мы жили полгода, за которые нам удалось выполнить большую часть поставленных перед нами задач. И, побывав в таком отдаленном месте, начинаешь переосмысливать свои жизненные ценности, ведь все познается в сравнении.

Путешествие на Сахалин:

от крещения на реке Лютога до освящения походного храма на буровой установке

§ Священник Александр Гинкель

По благословению Высокопреосвященного Иоанна, митрополита Белгородского и Старооскольского, председателя Синодального миссионерского отдела Русской Православной Церкви, с 19 февраля по 20 августа 2015 года, клирик Белгородской митрополии иерей Александр Гинкель и студент Белгородской Православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью) Дутов Иван Николаевич, были направлены в миссионерскую командировку в Южно-Сахалинскую и Курильскую епархию в распоряжение архиепископа Южно-Сахалинского и Курильского Тихона.

Иерей Александр Гинкель в течение всей командировки служил в Воскресенском кафедральном соборе города Южно-Сахалинска. Помимо богослужебной череды, в его обязанности входило совершение Таинства Крещения над людьми, прошедшими предварительную катехизацию, а также еженедельное совершение молебна Божией Матери пред иконою «Неупиваемая Чаша», с особым поминовением людей, страждущих недугами винопития и наркомании.

Принимал участие в работе организации «Матери против наркотиков», где еженедельно он проводил беседы с людьми, проходящими добровольную реабили-

тацию и пытающимися порвать с этими пагубными страстями.

Принимал участие в ряде встреч и проектов, возглавляемых архиепископом Южно-Сахалинским и Курильским Тихоном: митинг, посвященный началу Великой Отечественной войны; освящение куполов нового строящегося кафедрального собора Рождества Христова; массовое крещение людей в реке Лютога накануне дня Крещения Руси и других.

В рамках духовно-просветительских встреч и мероприятий различных отделов Южно-Сахалинской епархии, священник Александр неоднократно привлекался к участию в них:

– в Неделю Ваий посещение военного госпиталя Южно-Сахалинска вместе с учащимися воскресной школы Воскресенского кафедрального собора с целью поздравления больных военнослужащих;

– 10 апреля посещение мероприятия, посвященного Дню борьбы с нацизмом и освобождения военнопленных из концлагерей с целью произнесения приветственного слова от лица архиерея;

– в Светлую пятницу посещение городской больницы Южно-Сахалинска вместе с сотрудником епархиального социального отдела с целью поздравления больных со Светлым Христовым Воскресением;

– 29 апреля посещение катехизаторских курсов при Свято-Вознесенском храме города Корсакова с целью проведения беседы по Священному Писанию Нового Завета;

– 19-20 мая совершил чин освящения в Татарском проливе двух плавучих полупогружных буровых установок, а также изготовленных специально для них иконостасов походного храма, доставленных в Южно-Сахалинск представителями благотворительного общественного фонда помощи ветеранам и инвалидам силовых структур «ОМОФОР»;

– 19 мая при полном построении экипажа и рабочих, было совершено освящение установки «Северное Сияние» ООО «Газпром Флот», после чего представителями общественного фонда «Омофор» был произведен торжественный акт передачи

иконостаса походного храма в честь Порт-Артурской иконы Божией Матери;

– 20 мая в подобной торжественной обстановке на установке «Полярная Звезда» ООО «Газпром Флот» (ранее уже освященной), был совершен молебен с призыванием помощи Святого Духа на всякое благое дело и освящен иконостас походного храма в честь великомученика Георгия Победоносца, который также был торжественно передан экипажу буровой платформы;

– 1 июня посещение одной из воинских частей Южно-Сахалинска вместе с сотрудником епархиального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами с целью поздравления военнослужащих с началом нового этапа их обучения.

Помимо миссионерских и богослужебных послушаний, священник Александр выполнял также и трудовые послушания: чистка снега на территории кафедрального собора, чтение на клиросе собора Великим постом, дежурство на вахте контрольно-пропускного пункта Духовно-просветительского центра епархии.

Иван Дутов нес послушание при Воскресенском кафедральном соборе города Южно-Сахалинска в качестве пономаря и иподиакона правящего архиерея.

Принимал участие в миссионерской деятельности в воинских частях, а также в социальных учреждениях Сахалинской области. В качестве иподиакона сопровождал архиерея во время выездов на приходы епархии.

Активное участие принимал в жизни епархиального волонтерского корпуса «Доброе дело», где в ходе совместных работ были организованы такие мероприятия как: пасхальный мини-спектакль «Старьевщик», презентация фильма к 20-летию Воскресенского кафедрального собора «Храм обретенный», организация семейного кулинарного конкурса «Пасха красная», подготовка просветительско-познавательной программы, приуроченной к 70-летию окончания Второй мировой войны «Роль Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны», акция по сбору подписей за вывод абор-

тов из обязательного медицинского страхования, организация массового Крещения в естественных водах накануне дня Крещения Руси. Также на регулярной основе вместе с волонтерами посещал социально-реабилитационный центр «Маячок» и Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Сахалинской области.

Совместно с членами Сахалинской региональной общественной благотворительной организации «Милосердие» посещал областную больницу, где по мере возможностей объяснял больным о важности посещения храма и регулярном участии в таинствах Церкви.

Также принял участие в региональной научно-практической конференции «Сахалинские Кирилло-Мефодиевские чтения: равноапостольный князь Владимир: наследие и современность», где выступил с докладом на тему «Историческое становление литургии Иоанна Златоуста».

Помимо миссионерских послушаний, Иван Дутов выполнял также и трудовые послушания: чистка снега на территории кафедрального собора, проведение ремонтных работ при соборе, дежурство на вахте контрольно-пропускного пункта Духовно-просветительского центра епархии.

По северным морям

§ Священник Михаил Артёменко

По благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна был совершен обход северных поселков, полярных станций и воинских частей, расположенных в труднодоступных районах Российской Арктики, на научно-экспедиционном судне «Михаил Сомов», место на котором предоставило Северное управление метеослужбы России в лице руководителя Александра Ефимовича Дрикера и начальника экспедиции Александра Петровича Абоимова.

23 июня корабль вышел из порта города Архангельска глубокой ночью, после поднятия мостов, и направился на выход из Белого моря. Надо сказать, что в основную задачу НЭС «Михаил Сомов» входит обеспечение продуктами питания и ГСМ полярных метеостанций, расположенных в акваториях Белого, Баренцева и Карского морей. Проходит так называемый северный завоз примерно в это же время ежегодно.

Первая наша остановка – станция «Унский маяк». Первая встреча с полярниками, духовная беседа, освящение станции и подарок: Священное Писание Нового Завета.

Для полярников на станциях прибытие «Сомова» – горячая пора: нужно принять продукты и ГСМ на год вперед и времени пообщаться практически нет. Помогаем выгрузить продукты, стройматериалы, и в конце разгрузки есть время для спокойной беседы, освящения станции, совершения других треб. Обычно стоим на якоре 5-8 часов, в некоторых местах несколько суток.

Некоторые полярные метеостанции находятся в поселках, поэтому предпочтение

отдается поселку – в сельсовете представляюсь главе, рассказываю о цели посещения, если позволяет время, администрация помогает организовать встречу с жителями поселка и оповестить о прибытии священника. Например п. Амдерма. Жители поселка очень рады, благодарят за посещение и просят о том, чтобы почаще приезжали священнослужители.

Для подавляющего большинства экипажа, членов экспедиции и полярников встреча и общение со священнослужителем в обычной обстановке была первой,

конечно возникало много вопросов о вере, о Боге, о жизни Церкви, порой вопросы были очень остры.

На судне неоднократно организовывались лекции, дискуссии, беседы как со стороны капитана и начальника рейса, так и с моей стороны. Тематика была очень разнообразна. Так как долгое время люди находятся в замкнутом пространстве, то необходима была и психологическая помощь, которая неоднократно оказывалась как на судне, так и на станциях.

Божественная литургия на судне совершалась еженедельно по воскресным дням и особым праздникам с толкованием происходящего действия и молитв. Также служились молебны по нескольку раз в неделю. Хотелось отметить, что на всех богослужениях присутствовали как члены экипажа, так и члены команды, незадействованные в работе и ходе корабля.

За весь рейс посетили около 40 метеостанций, несколько поселков, в библиотеку которых было передано несколько книг Священного Писания.

Духовное значение пения в богослужебной культуре как миссия среди воцерковленных

§ Священник Максим Василюк,
кандидат богословия

Во время брани хульных помыслов
лучше петь что-то церковное.
Церковное пение – это не только молитва
к Богу, но и презрение к диаволу[1].
Преподобный Паисий Святогорец

Введение

В современной церковной жизни мы сталкиваемся с разными миссионерскими задачами. В их числе необходимо поставить и вопросы, которые касаются эстетики богослужения, а, как потом увидим, ведущие и к богословским осмыслениям. Рассмотрим такую богослужебную составляющую, как пение в Церкви, а именно богослужебное пение в нынешнем русском храме. Итак, богослужение представляет собой священное поклонение человека в соответствующей обстановке и настрое, необходимых или подходящих к ситуации. Это и «музыка света», и формы совершения обряда, процессии, пение, запах – сопутствующие этому с психологической точки зрения, и особенная составляющая – Божественное Присутствие, благодать освящающая.

Обстановка храма, как места восхваления Бога, принесения покаяния и благо-

дарственной жертвы, молитвы о нуждах и пение нуждается в эстетическом согласии именно с целью прихода человека в Дом Божий.

Замысел церковного пения состоит в поддержании у человека горения Духа Святого на пути его восхождения к Царству Христову, а история богослужебного пения отображает процессы накопления или утраты опыта молитвы.[2]

Исторический экскурс развития церковного пения в Русской Церкви

Для осмысления всего вопроса о богослужебном пении нам необходимо совершить краткий экскурс в историю существовавших в Русской Церкви стилей исполнения церковных песнопений.

После Крещения князем Владимиром Руси большинство клира состояло из греков и болгар. Естественно, что вместе с Уставом и книгами, которые они принесли, пение было византийским[3]. Однако, через некоторое время вместе с византийским пением (которое просуществовало у нас до XIV в. под названием «кондакарного») появляется пение с «местным оттенком»: так называемый «знаменный роспев», или, по-другому, «столповой». Как основной тип богослужебного пения он существовал на Руси с конца XI в. до 2-й четверти XVIII века. Приблизительно 600 с лишним лет свидетельствуют, что этот распев идеально подходил для богослужения, прежде всего как пение молитвенное.[4] Впоследствии мы наблюдаем, в силу исторических причин, и смену в церковном пении. Через Юго-Запад: Польшу и Украину, приходит т.н. «партесный стиль», претерпев при этом заметные изменения. Профессор музыковед В. Протопопов характеризует ранний партес как «постоянное многоголосие»[5]. Но необходимо отметить преемственность раннего партеса по отношению к древним распевам – знаменному и путевому. Авторы новых песнопений были воспитаны в духе древнего богослужебного пения, и это сказалось на их осмыслении богослужения и самого музыкально-певческого стиля. Благодаря этому в раннепартесных песнопениях сохранилась присущая богослужению строгость и чистота. Стиль партеса следующей эпохи был под мощным влиянием итальянского барокко, где количество партий могло быть от 3 до 48, а в среднем ограничивалось 12 голосами. Партесное пение упорно насаждалось в Церкви, занимая главенствующую позицию в русской певческой практике. Несмотря на протесты таких виднейших иерархов, как патриарх Гермоген[6] и патриарх Иосиф.[7] В дальнейшем богослужебное пение стало превращаться в музыку, написанную современными капельмейстерами и композиторами на существующие богослужебные тексты[8]. Очень любил такое пение император Петр I[9].

Период XVII-XVIII вв. был в истории богослужебного пения в России переломным и достаточно трудным. Искусственно насаждаемая иностранная музыка, ее гармония, стиль и совершенно светские формы исполнения, чуждые русскому восприятию, нанесли богослужебному пению огромный урон. Светская музыка, напротив, претерпела небывалый подъём благодаря русскому таланту, вследствие чего появились выдающиеся композиторы XIX-XX вв.

Современное нам положение богослужебного пения сохраняет партесную традицию, за исключением монастырей и некоторых храмов, где поют, используя либо знаменный или валаамский напевы, либо византийский или же некий умеренный вариант обиходного исполнения песнопений. Все эти исключения могут иметь место вследствие личной заинтересованности или, по меньшей мере, благосклонного отношения настоятеля.

Обзор взглядов о характере пения за богослужением

Постараемся определить «ценность» нынешнего повсеместного употребления партеса с точки зрения видных богословов, компетентных исследователей и святых Православной Церкви.

В противоположность партесу стоит более древнее мелодическое одноголосие. Поёт ли всего один человек или много, «голос, – как пишет свт. Иоанн Златоуст, – словно исходит из одних уст»[10]. Климент Александрийский в III веке оставил свои замечания о богослужебном пении: «Ме-

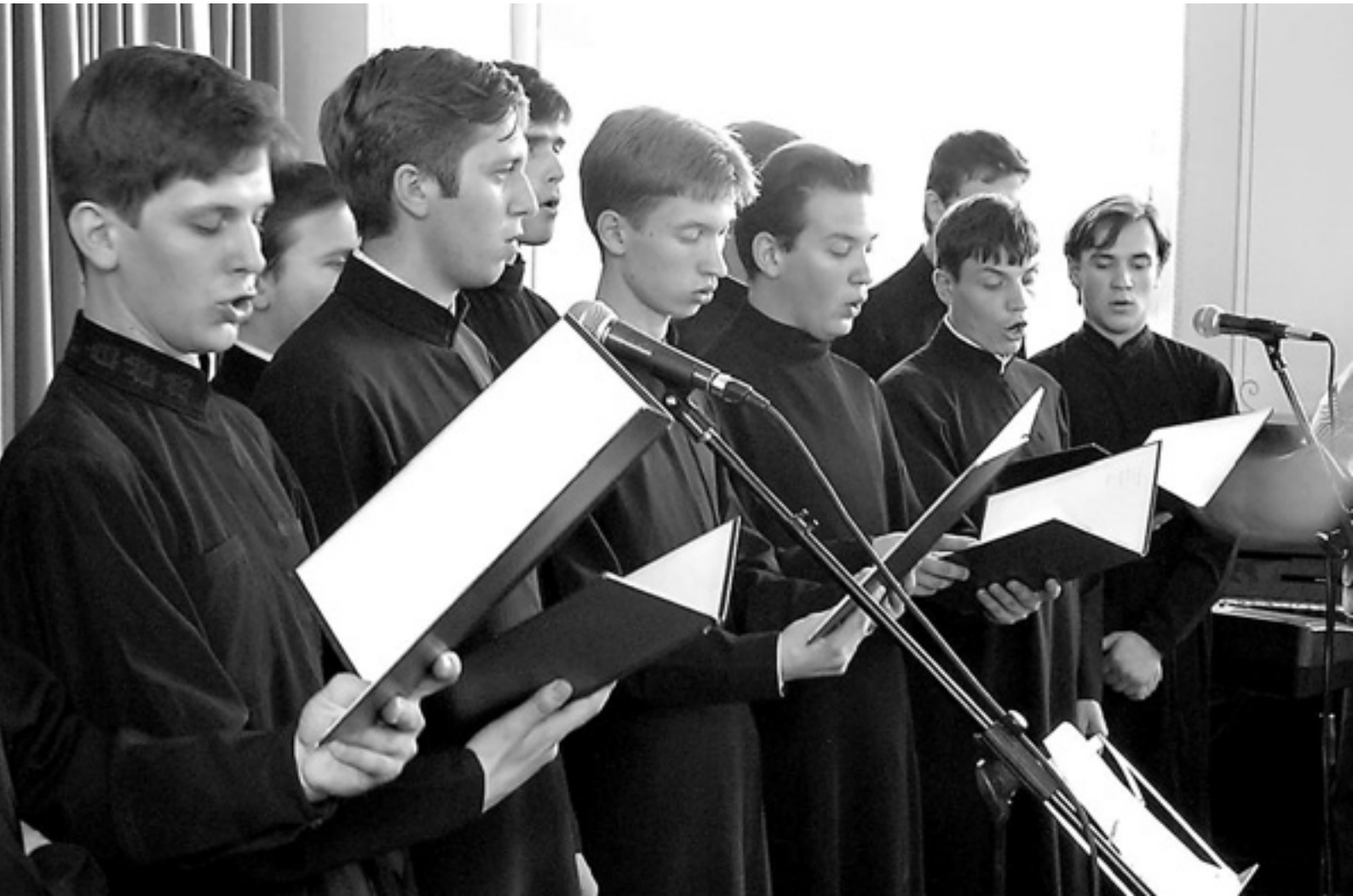
лодии же должны мы выбирать проникнутые бесстрастностью и целомудрием... мелодиями же строгими и серьезными бесстыдство и дикое пьянство предупреждаются в самом зародыше. <...> Разнеживающие звуки музыки хроматической... мы предоставим людям, устраивающим грязные кутежи...» (Педагог II. 4)»[11]. Свт. Амвросий Медиоланский в своей речи против сторонника арианства Авксентия, проводит параллель между хоровым единогласным (унисонным) пением и единством Пресвятой Троицы: «В этом [пении] есть великое очарование, с которым ничто не может сравниться в могуществе. Ибо что могущественнее исповедания Троицы, которое каждый день воспевается единогласно устами всего народа?»[12].

Критика партесного исполнения

Отец известного во всем православном мире певчего К. Фотопулоса, открывшего византийскую школу пения в Москве, протопресвитер Иоанн Фотопулос формулирует с ювелирной лаконичностью три главных отрицательных следствия от употребления в храме партесного пения, мешающего сосредоточенной покаянной молитве:

1. «Возбуждение чувственности. Партесное пение культивирует красивые «религиозные» чувства, вызывая у верующего чувство эстетического наслаждения, похожее на то, что испытывает человек во время концерта. В этом случае возникает препятствие для молитвы, вторгается чувство мирской радости и удовольствия, помрачающее и дезориентирующее ум, удаляющее его от основной цели – возношения к Богу, молитвы покаяния, благодарения и славословия.

2. Рассеяние внимания. Разные мужские и женские голоса, поющие каждый отдельную партию, рассеивают внутреннее внимание верующего, не позволяя уму полностью сосредоточиться на смысле священных слов. Разная окраска голосов, с одной стороны, и параллельные, но различные музыкальные партии – с другой, расстраивают силу ума, отвлекая его от основного дела.



3. Парение ума. Многоголосие в церковном пении вызывает парение ума. Святой Феофилакт называет парением безостановочное движение ума. В случае партесного пения часто создаётся романтическое настроение, в результате чего ум рассеивается, блуждает, нигде не находя удовлетворения. Господь наш Иисус Христос призывает: «Не возноситеся» (Лк. 12, 29), то есть не рассеивайтесь мыслями. И хотя эта заповедь имеет в виду удаление от житейских попечений и предание себя в руки Божии, тем не менее, ее можно очень хорошо отнести к сосредоточенности ума на молитве: во время пения ум должен молиться, взыскуя самое главное – Царствие Божие (см. Лк. 12, 31)»[13].

Обращаясь к мысли в эпиграфе прп. Паисия Святогорца, зададимся вопросом, как современный человек может в своём молитвенном делании петь молитвы на музыку, например, Д. Бортнянского или иных композиторов, исполняемых за богослужением? А если храм построен в «русском стиле» с соответствующими росписями, то уместны ли там, с точки зрения эстетики, богослужебные произведения с многоголосными партиями, порой совершенно «мирского» характера? Не диссонанс ли это, так же как странным покажется храм в византийском стиле, а фрески в нём в стиле барокко.

Уместно здесь привести отрывок из письма композитора П. Чайковского Преосвященному ректору Киевской академии о его впечатлении о тогдашнем пении: «...когда закрылись царские врата, и певчие поспешно, на один аккорд, пропели «Хвалите Господа с небес», как бы слагая с себя тяжкую обузу хвалить Господа, ввиду своего долга угостить публику концертной музыкой, и стали, собравшись с силами, исполнять бездарно-пошло сочиненный, преисполненный неприличных для храма вокальных фокусов, построенный на чужой лад, длинный, бессмысленный, безобразный концерт, я чувствовал прилив негодования, которое, чем дальше пели, тем больше росло. То гаркнет диким ревущим рыканием бас-соло, то завизжит одинокий дискант, то прозвучит обрывок фразы из какого-то итальянского трепака, то неестественно сладко раздастся оперный любовный мотив в самой грубой, голой, плоской гармонизации, то весь хор замрет на преувеличенно тонком пианиссимо, то заревет, завизжит во всю глотку... О, Господи, и когда же, в какую минуту происходит эта музыкальная оргия? Как раз в то время, когда совершается главный акт всего священнодействия, когда Ваше Преосвященство и сослужители Ваши приобщаетесь Тела и Крови Христовой... Зачем я все это пишу Вашему Преосвященству? Затем, что хочется высказаться и притом именно Вам, архипастырю, что смутная надежда хоть сколько-нибудь содействовать искоренению проникшего в наше богослужебное пение зла ободряет меня, и я дерзаю ласкать себя мыслью, что, может быть, обращу Ваше пастырское внимание на безотрадность явления, смысл которого вследствие привычки до сих пор ускользал от Вас»[14]. Как видим, композитор задолго до отца И. Фотопулоса, со своей стороны описал вредоносность практики партеса за богослужением.

Заключение. Возможные альтернативы исполнения песнопений

Современным христианам - пастырям и пастве важно увидеть всю картину состояния нынешнего пения, а увидев, найти пути к исправлению ситуации, сохраняя верное святоотеческое молитвенное расположение, чему способствует пение, основанное на Предании. Ведь окружающий мир навязывает нам свои ритмы, своё пение, а соответственно уводит от главного средоточия, что, безусловно, расхолаживает души[15]. От образа исполнения канонической мелодии зависит её восприятие слушающими и побуждение их к спасению. Как пример возможного движения к этому можно привести близкое русскому сознанию знаменное пение с гармонизацией или без, пение Валаамского обихода. Ведь пение – это одна из ступеней, переступая которую, человек приобщается к восприятию себя в церковной жизни.

Использованы фотографии хоров Белгородской, Сретенской, Екатеринбургской и Тобольской духовных семинарий

Примечания

[1] Старец Паисий Святогорец. Духовная борьба. Том 3. http://lib.pravmir.ru/library/book/1892

[2] Сахно И. Значение церковного пения в Православном богослужении. http://sretenie-ensemble.com/stati/znachenie_tserkovnogo_peniya_v_pravoslavnom_bogosluzhenii_i.html

[3] Густова Л. О традициях церковного песнопения. http://www.canto.ru/txt.php?menu=public&id=histor.gustova

[4] Жежель Г. Русская духовная музыка XVII-XVIII вв. http://melos.su/7/7/41-post.html

[5] https://ru.wikipedia.org/wiki/Партесное_пение

[6] См.: Металлов В.М. Очерк истории православного церковного пения. ТСЛ, 1995, С. 81.
[7] https://ru.wikipedia.org/wiki/Партесное_пение
[8] Жежель Г. Русская духовная музыка XVII-XVIII вв. http://melos.su/7/43-post.html
[9] https://ru.wikipedia.org/wiki/Партесное_пение
[10] Там же.
[11] Климент Александрийский Педагог http://azbyka.ru/otechnik/?Kliment_Aleksandrijskij/pedagog=2_4
[12] Жданова А.Н. О музыкально-эстетических взглядах свт. Амвросия Медиоланского http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/330232.html
[13] Цит.по: Фотопулос И., прот. Духовный вред от употребления в богослужении партесного пения http://agionoros.ru/docs/476.html
[14] Письмо П. И. Чайковского ректору Киевской духовной академии о состоянии церковного пения http://www.kiev-orthodox.org/site/culture/362/
[15] Сахно И. Значение церковного пения в Православном богослужении http://sretenie-ensemble.com/stati/znachenie_tserkovnogo_peniya_v_pravoslavnom_bogosluzhenii_i.html

Миссионерское общество Екатеринбурга в 1905-1915 годах

§ Н.С. Каримова,
старший преподаватель
Екатеринбургской духовной семинарии

Вопрос о миссионерской деятельности – ее принципах, видах, формах – никогда не терял своей актуальности. Он стоит в центре внимания, как на уровне определений Синодального отдела религиозного образования и катехизации Священного Синода Русской Православной Церкви, так и митрополий, так и Миссионерского института при Свято-Александровском Ново-Тихвинском монастыре Екатеринбургской митрополии. Вопрос обостряется и сегодня, когда 2 октября 2013 на заседании Священного Синода был заслушан рапорт митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия, председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации об утверждении «Положения о порядке реализации программ по подготовке специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности» относительно организации кратковременных курсов и получения полного высшего образования для приходских и благочиннических специалистов (п. 18 Определения о внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви) [15].

Обзор миссионерской деятельности Екатеринбургского миссионерского Комитета за 1905–1915 г. по отчетам, представлен-

ным в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях», знакомит с дореволюционным опытом миссии нашей епархии. В настоящей работе представлена попытка выявления некоторых принципов и закономерностей миссионерской деятельности в епархии, подтвержденных примерами.

Период 1905-1915 годов – кульминационный в развитии Российского государства нового времени по причинам хорошо всем известным. Отметим другое. В 1905 г. изменился статус православия как государственной религии. 17 апреля вышел Именной Высочайший Указ Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», что подразумевало изменение задач миссионерской деятельности, традиционно направленной на гармонизацию сосуществования поликонфессиональной царской России [4, с. 12]. В результате новой вероисповедной политики наметился кризис миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, выразившийся в появлении многочисленных сект, уменьшении количества привлеченных к официальной Церкви представителей неправославных конфессий, выходе из числа православных или разрыв с вероисповеданием. Таким образом, «полем деятельности внутренней миссии Русской Православной Церкви становится не только духовное просвещение исконно православного населения, борьба с расколом и просвещение язычников, но и борьба с объединяющимся мусульманством и сектантством...» [3, с. 396]. В 1908 году Православная Церковь осуществляет реформу системы миссионерства. Священный Синод распространил «Новые правила организации внутренней миссии Русской Православной Церкви», указывающие три новых направления миссии: народно-приходская, пастырско-приходская и монашеская. Если пастырско-приходская и монашеская миссии действовали традиционными методами, то народно-приходская, находясь под руководством Советов обществ, Миссионерских комитетов, епархиальных миссионеров и приходского священства, осуществляла веропроповедничество с помощью обществ, братств, сестричеств, и миссионерских детских школ и приютов. Что стимулировало православное население к объединению вокруг Церкви на основах религиозно-просветительской, социально-благотворительной и культурно-просветительской форм работы. Начавшаяся летом 1914 года первая мировая война диктует новое изменение курса внутренней миссии Церкви. В результате военных действий, а позже событий 1917 г., встает вопрос о самом существовании миссионерской деятельности и ее прекращении. Такова общая характеристика процессов этого периода.

Личное обращение председателя Миссионерского общества святителя Иннокентия (Вениаминова) к Преосвященному Нафанаилу, епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому, произошло уже в 1886 г. на следующий год после открытия Екатеринбургской епархии в феврале 1885 г.» [1, с. 169-170]. В мае 1886 г. Преосвященный Нафанаил, через «Екатеринбургские епархиальные ведомости» обратился к пастве с горячим и проникновенным призывом «Слово.., коим Его Преосвященство приглашает православных... к пожертвованию на святое дело обращения неверных ко Христу» и к участию в работе общества, отмечая наличие в епархии таких групп, как остяки-идолопоклонники и башкиры-магометане и других иноверцев. 19 октября 1886 г. день выборов и утверждения должностных лиц в Комитет Миссионерского общества» [2. с. 865] из духовной и светской общественности стал днем открытия Екатеринбургского Комитета Миссионерского общества.

Устав общества был опубликован в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» в том же 1886 г. и на последующие годы стал программным документом, определяющим цели, задачи и функции общества, структуру направления деятельности, используемые средства, отчетность.

Цель общества – содействие обращению в Православие «нехристиан, проживающих в границах епархии, и их дальнейшее утверждение, как в истинах веры, так и в правилах христианской жизни» [1, с. 230].

Задачей общества являлась помощь епархиальным структурам в деле развития внутренней и внешней миссии.

Функции общества – «возбуждение и развитие между православными христи-

анами деятельное участие и сочувствие к достижению означенной цели, в том числе материальным пожертвованием, на содержание миссионеров, устройство и содержание миссионерских церквей, школ, больниц, на издание книг, приспособленных к разумению и духовным потребностям ино-

Важный принцип миссии – ее поэтапность, без резких принудительных форм. Так, деятельность среди кочующих вогул и устойчивого в вероисповедании мусульманского населения не стремится форсировать просвещение, но первоначальной целью ставит приобщение к русской культуре и русской гражданственности.

родцев, и содействие в устранении препятствий успеху миссионерской деятельности» [1, с. 231]. Этими принципами Екатеринбургский комитет Православного миссионерского общества руководствовался долгие 31 год своего существования. Однако события 1905–1917 годов корректировали его работу, что отражалось в годичных отчетах Комитета.

Отчеты имели стандартную структуру. В преамбуле отмечался год деятельности Комитета и основание. Первым разделом обозначался «Личный состав Комитета и число членов его». Второй раздел освещал деятельность Комитета, предваряя его напоминанием об ответственности миссии во образ евангельского благовестия. Дело это есть «апостольское дело благовестия и просвещения светом Христова учения младенцев в вере – башкир и вогул – насельников Екатеринбургской епархии» [7, с. 187].

Главный принцип внутренней миссии, это ее адресный характер: оговаривались группы населения особого попечения миссии, что предопределяло ее виды и формы, учитывающие особенности уровня образования, приверженность в своей вере, возраст, традиции культуры и быта. Другой важный принцип миссии – ее поэтапность, без резких принудительных форм. Так, деятельность среди кочующих вогул и устойчивого в вероисповедании мусульманского населения не стремится форсировать просвещение, но первоначальной целью ставит приобщение к русской культуре и русской гражданственности. Исходя из этих принципов, миссия сосредотачивала усилия в следующих трех видах деятельности, подразделяя ее как по группам населения, – кочующие и оседлые вогулы, и мусульмане, – так и по возрастам – взрослое и детское население.

I. Просветительская деятельность взрослого населения.

А) Организация пастырских и миссионерских поездок к кочующим вогулам, в подавляющих случаях крещенным в православной вере.

Б) Противомусульманские поездки в башкирские селения для ознакомления с бытом, правами башкир, бытовыми традициями, и последующего миссионерства.

II. Поддержание учебных и благотворительно-просветительских миссионерских учреждений Комитета среди детского населения.

А) Содержание вогульских школ грамоты Верхотурского уезда и миссия в них.

Б) Содержание и миссия в Каслинском башкирском детском приюте.

III. Организация успешной работы по сбору пожертвований на дело отечественной миссии вообще и местной в частности.

Далее следует рассмотреть эти пункты подробнее.

I. Просветительская деятельность среди взрослого населения кочующих вогул. Организация миссионерских и пастырских поездок к кочующим вогулам на севере епархии была одним из главных видов миссии. К принципам деятельности следует отнести тщательную подготовку к поездкам, совершаемым от 3 до 6 раз в год. В зависимости от прошлых результатов, используется сочетание двух видов миссионерства – просветительско-благотворительная миссия и духовное окормление крещеных вогул. Анализ отчетов показал непременный учет внешних природных и бытовых условий данного вида миссии. Это:

* изучение обрядов [8, с. 9], языка и перевод простейших молитв;

* выбор времени – зимнее, в связи с непроходимостью мест стоянок, находящихся на расстоянии друг от друга от 3 до 50 верст;

* выбор места – юрта, единственно возможное в условиях таежной тундры;

Икона вогульского миссионера священномученика Аркадия Гаряева

* использование элементов походного храма, позже самого храма;

* подведение итогов в отчетах, публикуемых в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях».

Духовное окормление вогул «крещенных и считающихся православными, но слабо имеющих понятие о Боге и истинах христианского вероучения» [14, с. 3] состояло в молебном пении о здравии болящих [7, с. 192-197], крещении младенцев разного возраста, исповеди и причастии Святых Христовых Таин, отпевании покойных [8, с. 10], совершаемых по просьбе вогул, и с их сугубым вниманием и участием. Наряду со скромными успехами миссии неоднократно выражается обеспокоенность сохранением языческих обрядов: например, приношение в жертву лошадей в «честь шайтанов, или Иисуса, Матери Бога и Николы», что свидетельствует о двоеверии, или слабой осознанности истин веры христианской, и перенесении языческих обрядов на христианскую почву. Среди причин слабой обращенности, отчеты отмечают трудности перевода на вогульский язык молитв «Господи, помилуй» и «Святый Боже». Переводческая работа велась постоянно, уже в отчете за 1907 г. отмечается перевод молитв: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «Слава Отцу...», «Отче наш...», которые читаются на вогульском языке и даже самими вогулами» [8, с. 10]. Это говорит об успехах миссии, что выражается во внимательном и сосредоточенном отношении вогул к семейной молитве, богослужению, тяге к благолепию: в юртах встречаются иконы, отмечается ношение нательных крестов [13, с. 14]. Особенностью просветительских бесед является совершение их в непринужденной обстановке, за общей трапезой в юртах (до 7 юрт-стоянок, до 100 чел.) или в чумах за чаем по приглашению хозяина. Цель бесед – разъяснение христианских истин через рассказ о Спасителе, о грехе, о вечной жизни, о вреде алкоголизма и пагубности языческих обрядов, об определении детей в вогульские школы. Миссии к вогулам способствует и походная церковь [13, с. 13].

Несомненно, к положительной динамике результатов миссии в период после 1910 г. приводит деятельность миссионера вогул отца Аркадия Гаряева (до 1912 г.) – будущего священномученика, проводившего жизнь преимущественно в миссионерских поездках к кочующим вогулам.

Вторым направлением в просветительской работе являются миссионерские поездки по башкирским селениям, расположенным в четырех восточных уездах (Екатеринбургский, Шадринский, Ирбитский и Верхотурский) с башкирским населением до 100 тысяч человек, имеющих свои мечети, мулл, школы. Методика миссии среди взрослого башкирского населения отличная от миссии среди вогулов. Подготовка состоит в предварительном ознакомления миссионера с жизнью, бытом, обычаями башкир, приобретении навыков общения на башкирском языке. Особенностью является частое посещение селений, иногда поселение миссионера в близлежащем русском селе. Выбор времени миссии не зависит от времени года, но не должен налагаться на мусульманские праздники, полевые работы. Сложнее было с местом миссионерства. В отчетах не упоминаются дома, однако появляются места, свойственные густо населенной местности. Это ж/д станции, поезда [14, с. 164], магазины с привлечением башкирских купцов, перемещающихся как в пределах башкирских, так и русских сел. Для миссии в горноза-

водских поселениях, таких как Екатеринбургский, Полевской, Нижнетагильский, Алапаевский заводы, используется территория завода. Миссионер раздает брошюрки рабочим, солдатам из мусульман на сельской или заводской улице, рыночной площади, местах призыва рекрутов, обращаясь с краткой беседой, отвечая на вопросы [14, с. 104]. Как место проведения бесед о вере, используется квартира миссионера (протоиерея Александра Миропольского с 1910 г.), куда отдельные башкиры приходят сами. Содержание беседы строится на привлечении внимания к общепонятным темам. Первое – это разъяснение необходимости образования вообще. Второе – особое просвещение, которое при благоприятных условиях состоит в живом обсуждении примеров схожести в образе жизни верующих православных и мусульман: наличие праздников, самих богослужений, наличие постов и других ограничений в укладе жизни верующего в Бога человека.

Следующим этапом особого просвещения является переход к «чтению Евангелия с указанием на схожие места из Корана. При этом разъясняется превосходство Евангельского учения пред учением Магомета» [14, с. 105]. Отчеты отмечают относительный успех бесед, построенных таким порядком и благодаря хорошему знанию миссионером башкирского языка. Комитет несет попечение об издании брошюр, написанных миссионером отцом Александром Миропольским, на татарском и русском языках. Обращают на себя внимание темы брошюр, язык и значительный тираж. Так, в 1915 г. на сумму 312 руб. были изданы брошюры «Жизнь Иисуса Христа» – 1200 экземпляров, «Бог един» – 1200 экз. и др» [14, с. 106]. На татарском языке в 1913 г. напечатаны листки для раздачи на темы: «Уйнашлык» (блуд), на русском – «Краткая характеристика Корана», «Ответ хулителю христианства Абдулхакку», «Беседа с муллами о христианстве и мусульманстве» и др. – всего свыше 2500 экз. [13, с. 7]. Важно, что примеры особенностей миссии накапливаются для обобщения путем ведения миссионерского дневника [13, с. 7]. К сожалению, нами он не найден, но «Екатеринбургские епархиальные ведомости» имеют выписки из дневника, систематизация и изучение которых суть дальнейшего исследования. Как итог – благоприятное впечатление башкир от бесед и отсутствие открытой враждебности [7, с. 198], редкие крещения. Как отмечает отчет за 1915 г., «Такая миссионерская деятельность ...Комитета имеет значение не только для одной епархии, а для всей России, ибо на Уральских заводах сходятся рабочие – христиане и мусульмане изо всех губерний» [7, с. 197].

II. Поддержание учебных и благотворительно-просветительских миссионерских учреждений Комитета.

Второй вид миссии – работа с детьми и подростками, еще не укрепившимися в вере своих предков – язычестве для вогул, и мусульманстве – для татар и башкир. Для них создается среда максимально приближенная к русской православной традиции. Для этого организованы миссионерские школы и приют в местах проживания, с учетом местных особенностей. Время деятельности миссионерской школы – традиционный учебный год. Место осуществления миссии Комитет готовит и содержит на свои средства (закупка учебников, хозяйственные нужды, оплата труда учителя и миссионера) – это стационарные здания школ или специально оборудованные часовни [8, с. 5]. Принцип работы – организация полноценного обучения в течение учебного года по программам для инородческих школ. Цель обучения не ограничивалась общим приобщением к русской культуре, грамотности, но включала целенаправленное «просвещение язычников светом Христова учения» [6, с. 5]. Это подразумевало устроение жизни учащихся по традиции преобладающего русского населения: чтение произведений русской литературы, миссионерские беседы с учащимися, чтение Евангелия, введение элементов богослужения, посещение близлежащего или походного храма. Комитет общества имел на своем попечении четыре миссионерские вогульские школы грамоты в северных деревнях Верхотурского уезда – Петрово, Лача (ныне не существует), Митяево и Лопаево. Деревни населены бывшими ясачными обрусевшими вогулами, а в рассматриваемый период государственными крестьянами. Особенностью школ являет-

ся удаленность от ближайших церквей на 20 и более верст. Это затрудняет руководство школой заведующими, как правило, священниками дальних приходов. Окормление и духовно-нравственное влияние на школы оказывает священник походной церкви, [8, с. 3] пастырским заботам которого отданы дальние деревни. Количество учащихся до 90 мальчиков, в отличие от башкирского приюта, учатся девочки.

В школах кроме образовательных предметов преподается Закон Божий. Окончившие получают свидетельство за полный курс церковно-приходской школы. Финансируется школа – содержание учителя, питание, проживание, обустройство классов, необходимые пособия, хозяйственные нужды – целиком за счет средств Комитета. Итогом успешной 20-летней деятельности миссии и полной реализации ее задач к 1907-1908 гг. является «перевод школ в ведение Епархиального училищного совета, ввиду полного обрусения вогульских жителей» [9, с. 412]. Отметим продвижение миссии язычников далее на север, где Комитет планирует открытие новой миссионерской школы для детей кочующих вогул в «с. Никито-Ивдельском… с целью успешного и надежного их просвещения» [8, с. 8].

Миссия среди башкирских детей совершалась иным способом.

Каслинский приют существовал при православном храме. Первой задачей его деятельности было обеспечение условий воспитания и обучения основам «русской культуры и гражданственности и расположению к православной вере» [10, с. 720] на виду у храма. Количество обучаемых за рассматриваемый период колеблется до 30 человек, преимущественно мальчики, возраст до 16 лет. Обучение проходит 4 года в две ступени. Дети обучаются русской азбуке, арифметике, письму слов под диктовку. Примечателен перечень учебных пособий: «программа Николая Ивановича Ильминского для инородческих школ» [9, с. 721], букварь Вахтерова, задачник Комарова, русская грамматика М. Вольтера [9, с. 413; 8, с. 12]. Процесс обучения находится под пристальным вниманием Комитета и его председателя. Так, в 1909 г. выпускные экзамены проходят в присутствии командированного наблюдателя церковно-приходских школ статского советника В.В. Васильева. Посещает приют и сам председатель общества правящий епископ [10, с. 521].

Икона священномученика Александра Миропольского

Внеклассное время – время знакомства с русской культурой: «ведутся беседы о жизни русских и башкир, других народов России, об отечественной истории и географии, естествознании [9, с. 411], о хозяйстве, промышленности [7, с. 196], о явлениях природы. Вводится преподавание ремесел. В качестве обязательного учебно-воспитательского момента при чтении нравоучительных рассказов, сказок, басен И.А. Крылова, заучивании наизусть или пересказе прочитанного, требуется использовать только русский язык [7, с. 196]. Формы миссионерства в этом случае диктует близость храма. Учеников знакомят с основными Евангельскими событиями в сравнении с местами из Корана. Например, о Рождестве Богоматери – о истории семейства Имрана гл. 3,

ст. 30-33, о Благовещении (Лк. 1, 26-38) и из Корана гл. 3, ст. 38 [8, с. 13]. Целью чтения этих религиозно-нравственных текстов является раскрытие «превосходства Евангелия пред Кораном» [14, с. 103]. Приют соблюдает посты и постные дни. Подобная практика позволила в отчете за 1909 г. отметить положительные сдвиги: «дети имеют прекрасное понятие о Христе, о Св. Кресте и о св. иконах... им нравятся духовные песнопения, великолепие храма и торжественное богослужение» [11, с. 6], «держат себя скромно, видя ласковое отношение русского «бабая», задают вопросы так, что миссионер едва успевает отвечать, ...не боятся храма Божия, ходят туда с интересом» [11, с. 1-10]. Иногда богослужение совершается на татарском языке, в силу хорошего его знания миссионером отцом Александром Миропольским (будущий священномученик). Это служит к привлечению в храм не только приютчан, но и татарской молодежи, а следовательно к успеху миссии, выражающейся в количестве крещаемых: в 1913 г. – 32 человека [13, с. 10].

Комитет содержит приют, оплачивает содержание преподавателей, деятельность миссионера, закупку книг и учебников, ремонт и обустройство учебных и жилых помещений, питание, одежду воспитуемых. Деятельность носит успешный характер и поощряется Комитетом. Так, в 1915 г. заведующий приютом инородческий миссионер протоиерей Александр Миропольский выходит с ходатайством о придании детскому приюту функций своеобразного центра для «всех мусульман желающих ознакомиться с истинами христианского вероучения» [14, с. 102]. Инициатива была Комитетом одобрена, и отец Александр получает задание «разработать устав проектируемого учреждения». Комитет видит в этой работе свой долг и потребность в ее осуществлении.

В заключение отметим богатый опыт миссионерской деятельности в период с 1905 по 1915 годы. Разнообразные формы, используемые миссией, быстрый ответ на изменяющиеся внешние для Церкви условия, включение в миссию самых широких слоев общества.

Литература

1. Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1886 № 9-10 (отд. офиц.)
2. Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1886. № 39-40. (отд. неоф.)
3. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства в Русской Православной Церкви. ПСТГУ, 2007. С. 396.
4. Князева О.Р. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в 1905–1917 гг. на примере епархий Пермской губернии. Автореферат.
5. Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX вв./ М.Ю. Нечаева; отв. ред. И.Л. Манькова. – Екатеринбург: Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2008. – 194 с.
6. Отчет о деятельности Екатеринбургского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1905 год. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1906. №12 (отд. офиц.)
7. Отчет Екатеринбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1906 г.// Там же. – 1907. № 20 (с. 1-26) (отд. офиц.).
8. То же за 1907 г. //Там же. – 1908. №34 (с. 410-427) (отд. офиц.)
9. То же за 1908 г. // Там же. – 1909. №38 (с. 719-733) (отд. офиц.)
10. То же за 1909 г. // Там же. – 1910. №34 (с. 1-15) (отд. офиц.)
11. Отчет о деятельности Екатеринбургского епархиального миссионерского Совета за 1910 г. // Там же. – 1911. № 18 (с. 1-7) (отд. офиц.)
12. То же за 1913 г. // Там же. – 1914. № (с. 10) (отд. офиц.)
13. Отчет Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. // Там же. – 1917. № 17 (с. 98-112) (отд. офиц.)
14. Официальный сайт Московского Патриархата. Новости 3 октября 2013 г. [Электронный ресурс] / http://www.patriarchia.ru

Смерть – подвиг или трагедия?

§ Священник Александр Гинкель

Писать о смерти можно очень много, рассматривая ее с различных сторон. Вот только говорить о ней почему-то не принято. Особенно если она касается тебя лично.

Смерть поджидает человека на каждом шагу. Всю историю человечество шло бок о бок со смертью: бесконечные войны, болезни, катастрофы. Если включить телевизор, то в каждой программе новостей будут говорить о смерти, в трех четвертях фильмов эту смерть будут показывать.

Несмотря на весь этот танатический поток, мы вполне беспечно и безразлично относимся к смерти, пока она не коснется нашей жизни... То есть, пока смерть не войдет в нашу жизнь, отняв у нас кого-то, кто принадлежит нам. Вот тогда человек начинает искать ответ на вопрос: «Что такое смерть?»

Как бы кто ни пытался думать и размышлять, а ответов лишь три, и их выбор зависит только от религиозного сознания человека. Только вера в смерть может убедить человека в ее реальности, то есть, в реальности того, что происходит с нами после смерти. Именно на этой вере строится весь последующий за смертью заупокойный ритуал.

Животные не верят в смерть. Они знают только земную жизнь. И в момент, когда жизнь заканчивается, все последующее уже не имеет значения. Если человек живет только животными инстинктами, без веры, и в других людях видит таких же животных, как он сам, – то для него убить другого, чтобы выжить самому, – естест-

венный инстинкт самосохранения. Кстати, наших детей в школе до сих пор учат, что мы животные, правда высокоразвитые, но по сути – дрессированные обезьяны...

Итак, что такое смерть? На протяжении тысячелетий человек смог найти только три ответа на этот вопрос: завершение жизни, перерождение жизни или продолжение жизни! Воспоминание, карма или бесконечность? Как узнать наверняка? Кто может рассказать достоверно, что же происходит с человеческой душой в момент смерти: уничтожение, возрождение или преображение?

Только Тот, кто был мертв, и се, жив, и имеет «ключи ада и смерти». «Я есмь первый и последний и живый» – говорит воскресший Христос, Своей собственной смертью изменивший миропорядок и саму смерть. Первый, кто победил смерть и ад, восстав от мертвых; последний, кого смерть низринула в преисподнюю, и ад попытался удержать в своей темнице; живый во веки веков, и наполняющий жизнью саму смерть и ад: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек»!

«Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» – восклицает апостол Павел. Поэтому для христианина вопрос о смерти однозначен: «Смерти нет!» Есть лишь переход на новый этап бытия. Подобно рождению младенца из материнской утробы, когда человек оставляет привычный ему мир, чтобы начать новую жизнь в новом мире, до этого лишь предвкушаемом интуитивно. Сколько времени человек пробудет в этом мире – зависит от разных причин и обстоятельств. К сожалению, человек может даже и не родиться, если самое родное для него существо – мама, захочет его убить. Или же родившись, человек может умереть, даже не научившись ходить, говорить, писать или убивать. Причин для смерти много. И Бог не собирается их устранять, потому что Он устранил саму смерть... Своим Воскресением.

Человеку страшно умирать? Так ведь и рождаться в этот мир тоже было страшно! Но теперь-то мы этого не помним, а вообще роды – это самый огромный стресс для младенца, живущего в удобном и привычном мире материнской утробы.

Страшна неизвестность, которая ждет человека после смерти. Страшен риск ошибиться с ответом на вышепоставленный вопрос. И только вера решает, чем является смерть для нас: подвигом или трагедией?

Мы слишком эгоистичны в своей любви к нашим ближним, поэтому боимся их потерять и лишиться их любви. Нам кажется, что все живут ради нашего счастья, поэтому смерть близких – это наша личная трагедия. Трагедия одиночества и скорби. И нам абсолютно безразлична в этот момент дальнейшая судьба умершего: мы скорбим по нему, потому что болит наше собственное сердце, потому что мы привыкли жить с этим человеком, а теперь вдруг придется не просто менять свою жизнь, но и привыкать к мысли о невозможности что-либо исправить. Мы всегда жили по своей собственной воле, лично принимая все решения и исполнение своих желаний полагали в своей власти и возможностях.

А смерть – это последний аргумент воли Божией, доказательство Его непререкаемой власти над человеком и непреложности Его решений!

Подумаем лучше о том, кто предварил нас на пути рождения в вечность: готов этот человек там жить, или еще нет. И если готов, если смерть его была лишь переходом ко Христу – то мы приобрели еще одного «Ангела» Хранителя, молитвенника перед Богом за себя. Если же не готов, то не в скорби нашей нуждается грешная душа умершего, но в нашей помощи. А потому приложим все усилия, чтобы помочь любимому нами человеку, если он нам действительно не безразличен. Помочь же может только религия.

Мы просим себе у Бога «христианской кончины, безболезненной, непостыдной, мирной». Но насколько такая смерть является христианской? Разве смерть Христа не была мучительной, позорной и насильственной? Разве все Его ученики почили на старости лет в своей постели, окруженные заботой близких? Нет! Их смерть была подражанием смерти Своего Учителя, начиная от архидиакона Стефана, и заканчивая теми христианами, которых сейчас убивают в Сирии и Африке.

Здесь, в Южно-Сахалинском Воскресенском кафедральном соборе в феврале

2014 года были застрелены монахиня Людмила и Владимир. А скольких священников убили за последние десять лет в наших православных странах: России и Украине? Смерть всех этих людей – свидетельство подвига веры и истины: веры в будущую жизнь и непререкаемой истинности своей веры.

Каждый христианин, прежде чем он хочет стать миссионером и говорить людям о Христе, должен задать себе вопрос и дать на него ответ: «Готов ли ты умереть за Христа?». В интернете есть видеоролик с таким названием, и я его советовал посмотреть своим студентам Духовной семинарии на старших курсах.

Но до того, как ответить на этот вопрос положительно, необходимо ответить самому себе еще на один важный вопрос: «Зачем тебе Христос?».

Действительно, стоит ли за Него умирать, если Он нужен мне только для обустройства моей личной жизни? «Земной или загробной?» – так и той, и другой!

Или же ради любви к Нему я готов не только пожертвовать собой, но и сойти во ад, – место, куда и Он сходил, чтобы и там быть орудием Его воли, подобно Иоанну Предтече, если только Он этого захочет?

«Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым»... А потому и ответить «Да, готов» тоже можно только, если Дух Святой даст мужество и непоколебимую веру. Вот почему миссионеру важно всегда наблюдать за своей жизнью, чтобы не настиг конец, как «тать ночью». Вот почему Спаситель предупреждает нас: «бдите и молитесь, ибо не знаете ни дня, ни часа».

Ведь когда тебе зададут этот вопрос: «Готов ли ты умереть за Христа?», думать над ним будет нельзя! Если только человек, стоя перед лицом вечности, начнет думать о своей временной жизни, то тут же воспоминания, заботы, планы на будущее захлестнут его. И весь его ум будет цепляться только за эту земную жизнь, ради сохранения которой человек станет готовым на все.

Поэтому Господь и говорит: «молитесь!» Только молитва может наполнить наше сердце благодатью Святого Духа, изгнать из него страх и злобу, и указать на подлинную реальность жизни вечной, ради которой самые жесточайшие пытки, которым подвергали мучеников, вменялись ни во что, так как христианин видел перед собой Христа, зовущего его в новую реальность жизни вечной.

«Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение», – восклицает Павел. Именно тогда смерть становится подвигом, когда через нее человек приобретает воскресшего Христа.

Отрывок из книги священника Александра Гинкеля «Миссионерские заметки»

Иллюстрация: А. Венецианов «Причащение умирающей», 1839 г.

На краю света
Из воспоминаний архиерея

§ Н.С. Лесков

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф.И. Тютчев

Ранним вечером, на святках, мы сидели за чайным столом в большой голубой гостиной архиерейского дома. Нас было семь человек, восьмой наш хозяин, тогда уже весьма престарелый архиепископ, больной и немощный. Гости были люди просвещенные, и между ними шел интересный разговор о нашей вере и о нашем неверии, о нашем проповедничестве в храмах и о просветительных трудах наших миссий на Востоке. В числе собеседников находился некто флота-капитан Б., очень добрый человек, но большой нападчик на русское духовенство. Он твердил, что наши миссионеры совершенно неспособны к своему делу, и радовался, что правительство разрешило теперь трудиться на пользу Слова Божия чужеземным евангелическим пасторам. Б. выражал твердую уверенность, что эти проповедники будут у нас иметь огромный успех не среди одних евреев и докажут, как два и два – четыре, неспособность русского духовенства к миссионерской проповеди.

Наш почтенный хозяин в продолжение этого разговора хранил глубокое молчание: он сидел с покрытыми пледом ногами в своем глубоком вольтеровском кресле[1] и,

по-видимому, думал о чем-то другом; но когда Б. кончил, старый владыка вздохнул и проговорил:

– Мне кажется, господа, что вы господина капитана напрасно бы стали оспаривать; я думаю, что он прав: чужеземные миссионеры положительно должны иметь у нас большой успех.

– Я очень счастлив, владыко, что вы разделяете мое мнение, – отвечал капитан Б. и, сделав вслед за сим несколько самых благопристойных и тонких комплиментов известной образованности ума и благородству характера архиерея, добавил: – Ваше высокопреосвященство, разумеется, лучше меня знаете все недостатки Русской Церкви, где, конечно, среди духовенства есть люди и очень умные и очень добрые, – я этого никак не стану оспаривать, но они едва ли понимают Христа. Их положение и прочее... заставляет их толковать всё... слишком узко.

Архиерей посмотрел на него, улыбнулся и ответил:

– Да, господин капитан, скромность моя не оскорбится признать, что я, может быть, не хуже вас знаю все скорби Церкви; но справедливость была бы оскорблена, если бы я решился признать вместе с вами, что в России Господа Христа понимают менее, чем в Тюбингене, Лондоне или Женеве[2].

– Об этом, владыко, еще можно спорить.

Архиерей снова улыбнулся и сказал:

– А вы, я вижу, охочи спорить. Что с вами делать! От спора мы воздержимся, а беседовать – давайте. <...> Мы должны, господа, мысленно перенестись за много лет назад: это будет относиться к тому времени, когда я еще, можно сказать довольно молодым человеком, был поставлен во епископы, в весьма отдаленную сибирскую епархию[3]. Я был от природы нрава пылкого и любил, чтобы у меня было много дела, а потому не только не опечалился, а даже очень обрадовался этому дальнему назначению. Слава Богу, думал я, что мне хотя для начала-то выпало на долю не только ставленников стричь да пьяных дьячков разбирать, а настоящее живое дело, которым можно с любовию заняться. Я разумел именно то наше малоуспешное миссионерство, о котором господин капитан изволил вспомнить в начале нашей сегодняшней беседы. Ехал я к своему месту, пылая рвением и с планами самыми обширными, и сразу же было и всю свою энергию остудил и, что еще важнее, – чуть-чуть было самого дела не перепортил, если бы мне не дан был спасительный урок в одном чудесном событии.

– Чудесное! – воскликнул кто-то из слушателей, позабыв условие не перебивать рассказа; но наш снисходительный хозяин за это не рассердился и отвечал:

– Да, господа, обмолвись словом, могу его не брать назад: в том, что со мною случилось и о чем начал вам рассказывать – не без чудес, и чудеса эти начали мне являться чуть не с самого первого дня моего прибытия в мою полудикую епархию. Первое дело, с которого начинает свою деятельность русский архиерей, куда бы он ни попал, конечно есть обозрение внешности храмов и богослужения, – к этому обратился и я: велел, чтобы везде были приняты прочь с престолов лишние Евангелия

Классик о русском миссионерстве

В основе произведения Николая Семеновича Лескова «На краю света» лежит подлинный случай из миссионерской деятельности в Сибири ярославского архиепископа Нила (Исаковича, 1799—1874), автора исследования «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» (СПб., 1858) и «Путевых записок» (Ярославль, 1874).

В рассказе устами отца Кириака, архиерея и поступками иноверцев выражается самая сокровенная мысль автора о православии. По его убеждению, православие – это святая скромность, смирение и главное живучесть веры, но не где-то в абстрактном мире, а у каждого человека «за пазушкой».

Здесь мы видим праведников, которые за всех людей переживают, страдают и понимают, что главное любить других, делать добро для других, и иметь веру в душе своей.

и кресты, благодаря которым эти престолы у нас часто превращаются в какие-то выставки магазина церковной утвари. Заказал себе столько ковриков с орлецами, сколько нужно было, чтобы они лежали на своих местах, чтобы не шмыгали у меня с ними под носом, подбрасывая их под ноги. С усилием и под страхом штрафов воздерживал дьяконов не ловить меня во время служения за локти и не забираться рядом со мною на горнее место, а наипаче всего не наделять тумаками и подзагривками бедных ставленников, у которых оттого, после приятия благодати Святого Духа, недели по две и загорбок и шея болит. И никто из вас мне не поверит, сколько все это стоит труда и какие приносит досады, особенно человеку нетерпеливому, каким я тогда был и остаюсь таковым же, к моему стыду, отчасти и доселе. Окончилось с этим, – надо было приниматься за второе архиерейское дело первой важности: удостовериться, умеют ли причетники читать хоть уж если не по писаному, то по крайней мере по печатному. Эти экзамены долго меня заняли и сильно досаждали мне, а порою и смешили. Безграмотный, или по крайней мере «неписьменный», дьячок или пономарь и теперь еще, пожалуй, отыщется в селе или в уездном городишке и внутри России, что и оказалось, когда им, несколько лет тому назад, пришлось в первый раз расписываться в получении жалованья. Но тогда, – во время оно, да еще в Сибири, – это было явление самое обыкновенное. Я их велел учить; они на меня, разумеется, плакались и прозвали меня «лютым»; приходы жаловались, что нет чтецов, что архиерей «церкви разоряет». Что тут делать! я стал отпускать на места таких дьячков, которые хоть на память читать умели. <...>

Ознакомясь с миссионерскими отчетностями, я остался всею деятельностью недоволен более, чем деятельностью моего приходского духовенства: обращений в христианство было чрезвычайно мало, да и то ясно было, что добрая доля этих обращений значилась только на бумаге. На самом же деле одни из крещеных снова возвращались в свою прежнюю веру – ламайскую или шаманскую; а другие делали из всех этих вер самое странное и нелепое смешение: они молились и Христу с его апостолами, и Будде с его буддисидами[4] да тенгеринами[5], и войлочным сумочкам с шаманскими ангонами[6]. Двоеверие держалось не у одних кочевников, а почти и повсеместно в моей пастве, которая не представляла отдельной ветви какой-нибудь одной народности, а какие-то щепы и осколки Бог весть когда и откуда сюда попавших племенных разновидностей, бедных по языку и еще более бедных по понятиям и фантазии. Видя, что все, касающееся миссионерства, находится здесь в таком хаосе, я возымел об этих моих сотрудниках мнение самое невыгодное и обошелся с ними нетерпеливо сурово. Вообще я стал очень раздражителен, и данное мне прозвище «лютого» начало мне приличествовать. Особенно испытал на себе печать моего гневливого нетерпения бедный монастырек, который я избрал для своего жительства и при котором желал основать школу для местных инородцев. Расспросив чернецов, я узнал, что в городе почти все говорят по-якутски, но из моих иноков изо всех по-инородчески говорит только один очень престарелый иеромонах, отец Кириак, да и тот к делу проповеди не годится, а если и годится, то, хоть его убей, не хочет идти к диким проповедовать.

– Что это, – спрашиваю, – за ослушник, и как он смеет? Сказать ему, что я этого не люблю и не потерплю.

Но экклезиарх мне отвечает, что слова мои передаст, но послушания от Кириака не ожидает, потому что это уже ему не первое: что и два мои быстро друг за другом сменившиеся предместника с ним строгость пробовали, но он уперся и одно отвечает:

– «Душу за моего Христа положить рад, а крестить там (то есть в пустынях) не стану». Даже, говорит, сам просил лучше сана его лишить, но туда не посылать. И от священнодействия много лет был за это ослушание запрещен, но нимало тем не тяготился, а, напротив, с радостью нес самую простую службу: то сторожем, то в звонарне. И всеми любим: и братией, и мирянами, и даже язычниками.

– Как? – удивляюсь, – неужто даже и язычниками?

– Да, владыко, и язычники к нему иные заходят.

– За каким же делом?

– Уважают его как-то исстари, когда еще он на проповедь ездил в прежнее время.

– Да каков он был в то, в прежнее-то время?

– Прежде самый успешный миссионер был и множество людей обращал.

– Что же ему такое сделалось? Отчего он бросил эту деятельность?

– Понять нельзя, владыко: вдруг ему что-то приключилось: вернулся из степей, принес в алтарь мирницу и дароносицу и говорит: «Ставлю и не возьму опять, доколе не придет час».

– Какой же ему нужен час? Что он под сим разумеет?

– Не знаю, владыко.

– Да неужто же вы у него никто этого не добивались? О, роде лукавый, доколе живу с вами и терплю вас? Как вас это ничто, дела касающееся, не интересует? Попомните себе, что если тех, кои ни горячи, ни холодны, Господь обещал изблевать с уст Своих, то чего удостоитесь вы, совершенно холодные?

Но мой экклезиарх оправдывается:

– Всячески, – говорит, – владыко, мы у него любопытствовали, но он одно отвечает: «Нет, говорит, детушки, это дело не шутка, – это страшное... я на это смотреть не могу».

А что такое страшное, на это экклезиарх не мог мне ничего обстоятельного ответить, а сказал только, что «полагаем-де так, что отцу Кириаку при проповеди какое-либо откровение было». Меня это рассердило. Признаюсь вам, я недолюбливаю этот ассортимент «слывущих», которые вживе чудеса творят и непосредственными откровениями хвалятся, и причины имею их недолюбливать. А потому я сейчас же потребовал этого строптивого Кириака к себе и, не довольствуясь тем, что уже достаточно слыл грозным и лютым, взял да еще принасупился: был готов опалить его гневом, как только покажется. Но пришел к моим очам монашек такой маленький, такой тихий, что не на кого и взоров метать; одет в облинялой коленкоровой ряске, клобук толстым сукном покрыт, собой черненький, востролиценький, а входит бодро, без всякого подобострастия, и первый меня приветствует:

– Здравствуй, владыко!

Я не отвечаю на его приветствие, а начинаю сурово:

– Ты что это здесь чудишь, приятель?

– Как, – говорит, – владыко? Прости, будь милостив: я маленько на ухо туг – не все дослышал.

Я еще погромче повторил.

– Теперь, мол, понял?

– Нет, – отвечает, – ничего не понял.

– А почему ты с проповедью идти не хочешь и крестить инородцев избегаешь?

– Я, – говорит, – владыко, ездил и крестил, пока опыта не имел.

– Да, мол, а опыт получивши, и перестал?

– Перестал.

– Что же сему за причина?

Вздохнул и отвечает:

– В сердце моем сия причина, владыко, и сердцеведец ее видит, что велика она и мне, немощному, непосильна... Не могу!

И с сим в ноги мне поклонился.

Я его поднял и говорю:

– Ты мне не кланяйся, а объясни: что ты, откровение, что ли, какое получил или с Самим Богом беседовал?

Он с кроткою укоризною отвечает:

– Не смейся, владыко; я не Моисей, Божий избранник, чтобы мне с Богом беседовать; тебе грех так думать.

Я устыдился своего пыла и смягчился, и говорю ему:

– Так что же? За чем дело?

– А за тем, видно, и дело, – отвечает, – что я не Моисей, что я, владыко, робок и свою силу-меру знаю: из Египта-то языческого я вывесть – выведу, а Чермного моря не рассеку и из степи не выведу, и воздвигну простые сердца на ропот к преобиде Духа Святого.

Видя этакую образность в его живой речи, я было заключил, что он, вероятно, сам из раскольников, и спрашиваю:

– Да ты сам-то каким чудом в единение с церковью приведен?

– Я, – отвечает, – в единении с нею с моего младенчества и пребуду в нем даже до гроба.

И рассказал мне препростое и престранное свое происхождение. <...>

– Ах ты, – говорю, – отец Кириак, отец Кириак, да ты человек преутешительный!..

– Расцеловал я его неоднократно, отпустил и, ни о чем более не расспрашивая, велел ему с завтрашнего же дня ходить ко мне учить меня тунгузскому и якутскому языку.

Но отступив со своею суровостию от Кириака, я зато напустился на прочих монахов своего монастырька, от коих, по правде сказать, не видал ни Кириакова простодушия и никакого дела на службу веры полезного: живут себе этаким, так сказать, форпостом христианства в краю язычников, а ничего, ленивцы, не делают – даже языку туземному ни один не озаботился научиться.

Щунял я их, щунял келейно[7] и, наконец, с амвона на них громыхнул словом царя Ивана к преподобному Гурию[8], что «напрасно-де именуют чернецов ангелами, – нет им с ангелами сравнения, ни какого-либо подобия, а должны они уподобляться апостолам, которых Христос послал учить и крестить!»

Кириак приходит ко мне на другой день урок давать и прямо мне в ноги:

– Что ты? Что ты? – говорю, подымая его, – учителю благий, тебе это не довлеет ученику в ноги кланяться.

– Нет, владыко, уж очень ты меня утешил, так утешил, что я и в жизнь не чаял такого утешения!

– Да чем, – говорю, – Божий человек, ты так мною обрадован?

– А что велишь монахам учиться, да идучи вперед учить, а потом крестить; ты прав, владыко, что такой порядок устроил, его и Христос велел, и приточник[9] поучает: «идеже несть учения души, несть добра». Крестить-то они все могучи, а обучить слову нет тяги[10].

– Ну, уж это, – говорю, – ты меня, брат, кажется, шире понял, чем я говорил; этак ведь, по-твоему, и детей бы не надо крестить.

– Дети христианские другое дело, владыко.

– Ну да; и предков бы наших князь Владимир не окрестил, если бы долго от них науч ености ждал.

А он мне отвечает:

– Эх, владыко, да ведь и впрямь бы их, может, прежде поучить лучше было. А то сам, чай, в летописи читал – все больно скоро варом вскипело, «понеже благочестие его со страхом бе сопряжено». Платон митрополит[11] мудро сказал: «Владимир поспешил, а греки слукавили, – невежд ненаученных окрестили». Что нам их спешке с лукавством следовать? ведь они, знаешь, «льстивы даже до сего дня». Итак, во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облекаемся. Тщетно это так крестить, владыко!

– Как, – говорю, – тщетно? Отец Кириак, что ты это, батюшка, проповедуешь?

– А что же, – отвечает, – владыко? – ведь это благочестивой простью писано, что одно водное крещение невежде к приобретению жизни вечной не служит.

Посмотрел я на него и говорю серьезно:

– Послушай, отец Кириак, ведь ты еретичествуешь.

– Нет, – отвечает, – во мне нет ереси, я по тайноводству святого Кирилла Иерусалимского[12] правоверно говорю: «Симон Волхв[13] в купели тело омочи водою, но сердце не просвети духом, и сниде, и изыде телом, а душою не спогребеся, и не возста». Что окрестился, что выкупался, все равно христианином не был. Жив Господь и жива душа твоя, владыко, – вспомни, разве не писано: будут и крещеные, которые услышат «не вем вас», и некрещеные, которые от дел совести оправдятся и внидут, яко хранившие правду и истину. Неужели же ты сие отметаешь?

Ну, думаю, подождем об этом беседовать, и говорю:

– Давай-ка, – говорю, – брат, не иерусалимскому, а дикарскому языку учиться, бери указку, да не больно сердись, если я не толков буду.

– Я не сердит, владыко, – отвечает.

И точно, удивительно был благодушный и откровенный старик и прекрасно учил меня. Толково и быстро открыл он мне все таинства, как постичь эту молвь, такую бедную и немногословную, что ее едва ли можно и языком назвать. Во всяком разе это не более как язык жизни животной, а не жизни умственной; а между тем усвоить его очень трудно: обороты речи, краткие и непериодические, делают крайне затруднительным переводы на эту молвь всякого текста, изложенного по правилам языка выработанного, со сложными

периодами и подчиненными предложениями; а выражения поэтические и фигуральные на него вовсе не переводимы, да и понятия, ими выражаемые, остались бы для этого бедного люда недоступны. Как рассказать им смысл слов: «Будьте хитры, как змии, и незлобивы, как голуби», когда они и ни змеи и ни голубя никогда не видали и даже представить их себе не могут. Нельзя им подобрать слов: ни мученик, ни креститель, ни предтеча, а Пресвятую Деву если перевести по-ихнему словами «шочмо Абя», то выйдет не наша Богородица, а какое-то шаманское божество женского пола, – короче сказать – богиня. Про заслуги же Святой Крови или про другие тайны веры еще труднее говорить, а строить им какую-нибудь богословскую систему или просто слово молвить о рождении без мужа, от девы, – и думать нечего: они или ничего не поймут, и это самое лучшее, а то, пожалуй, еще прямо в глаза расхохочутся.

Все это мне передал Кириак, и передал так превосходно, что я, узнав дух языка, постиг и весь дух этого бедного народа; и что всего мне было самому над собою забавнее, что Кириак с меня самым незаметным образом всю мою напускную суровость сбил: между нами установились отношения самые приятные, легкие и такие шутливые, что я, держась сего шутливого тона, при конце своих уроков велел горшок каши сварить, положил на него серебряный рубль денег да черного сукна на рясу и понес все это, как выученик, к Кириаку в келью. <…>

Меня, по правде сказать, очень занимало, что такое отклонило Кириака от его успешной миссионерской деятельности и заставило так странно, по тогдашнему моему взгляду – почти преступно или во всяком случае соблазнительно относиться к этому делу.

– О чем, – говорю, – станем беседовать? – к доброму привету хороша и беседа добрая. Скажи же мне: не знаешь ли ты, как нам научить вере вот этих инородцев, которых ты все под свою защиту берешь?

– А учить надо, владыко, учить, да от доброго жития пример им показать.

– Да где же мы с тобою их будем учить?

– Не знаю, владыко; к ним бы надо с научением идти.

– То-то и есть.

– Да, учить надо, владыко; и утром сеять семя, и вечером не давать отдыха руке, – всё сеять.

– Хорошо говоришь, – отчего же ты так не делаешь?

– Освободи, владыко, не спрашивай.

– Нет уж, расскажи.

– А требуешь рассказать, так поясни: зачем мне туда идти?

– Учить и крестить.

– Учить? – учить-то, владыко, неспособно.

– Отчего? Враг, что ли, не дает?

– Не-ет! Что враг, – велика ли он для крещеного человека особа: его одним пальчиком перекрести, он и сгинет; а вражки мешают, – вот беда!

– Что это за вражки?

– А вот куцые одетели, отцы благодетели, приказные, чиновные, с приписью подьячие.

– Эти, стало быть, самого врага сильней?

– Как же можно: сей род, знаешь, ничем не изымается, даже ни молитвою, ни постом.

– Ну, так надо, значит, просто крестить, как все крестят.

– Крестить… – проговорил за мною Кириак, и – вдруг замолчал и улыбнулся.

– Что же? Продолжай.

Улыбка сошла с губ Кириака, и он с серьзною и даже суровою миной добавил:

– Нет, я скорохватом не хочу это делать, владыко.

– Что-о-о!

– Я не хочу этого так делать, владыко, вот что! – отвечал он твердо и опять улыбнулся.

– Чего ты смеешься? – говорю. – А если я тебе велю крестить?

– Не послушаю, – отвечал он, добродушно улыбнувшись, и, фамильярно хлопнув меня рукою по колену, заговорил:

– Слушай, владыко, читал ты или нет, – есть в житиях одна славная повесть.

Но я его перебил и говорю:

– Поосвободи, пожалуйста, меня с житиями: здесь о слове Божием, а не о преданиях человеческих. Вы, чернецы, знае-

те, что в житиях можно и того и другого достать, и потому и любите всё из житий хватать.

А он отвечает:

– Дай же мне, владыко, кончить; может, я и из житий что-нибудь прикладно скажу.

И рассказал старую историю из первых христианских веков о двух друзьях – христианине и язычнике, из коих первый часто говорил последнему о христианстве и так ему этим надокучил, что тот, будучи до тех пор равнодушен, вдруг стал ругаться и изрыгать самые злые хулы на Христа и на христианство, а при этом его подхватил конь и убил. Друг христианин видел в этом чудо и был в ужасе, что друг его язычник оставил жизнь в таком враждебном ко Христу настроении. Христианин сокрушался об этом и горько плакал, говоря: «Лучше бы я ему совсем ничего о Христе не говорил, – он бы тогда на него не раздражался и ответа бы в том не дал». Но, к утешению его, он известился духовно, что друг его принят Христом, потому что, когда язычнику никто не докучал настойчивостью, то он сам с собою размышлял о Христе и призвал его в своем последнем вздохе. <...>

– Говори, сделай милость, ясней: ты водное крещение-то просто-напросто совсем отметаешь, что ли?

– Ну вот: и отметаю! Эх, владыко, владыко! Сколько я лет томился, все ждал человека, с которым бы о духовном свободно по духу побеседовать, и, узнав тебя, думал, что вот такого дождался; а и ты сейчас, как стряпчий, за слово емлешься! Что тебе надо? – слово всяко ложь, и я тож. Я ничего не отметаю; а ты обсуди, какие мне приклады разные приходят – и от любви, а не от ненависти. Яви терпение, – вслушайся.

– Хорошо, – отвечаю, – буду слушать, что ты хочешь проповедовать.

– Ну, вот мы с тобою крещены, – ну, это и хорошо; нам этим как билет дан на пир; мы и идем и знаем, что мы званы, потому что у нас и билет есть.

– Ну!

– Ну а теперь видим, что рядом с нами туда же бредет человечек без билета. Мы думаем: «Вот дурачок! напрасно он идет: не пустят его! Придет, а его привратники вон выгонят». А придем и увидим: привратники-то его погонят, что билета нет, а хозяин увидит, да, может быть, и пустить велит, – скажет: «Ничего, что билета нет, – я его и так знаю: пожалуй, входи», да и введет, да еще, гляди, лучше иного, который с билетом пришел, станет чествовать.

– Ты, – говорю, – это им так и внушаешь?

– Нет; что им это внушать? Это я только про себя так о всех рассуждаю, по Христовой доброти да мудрости.

– Да то-то; мудрость-то Его ты понимаешь ли?

– Где, владыко, понимать! – ее не поймешь, а так... что сердце чувствует, говорю. Я, когда мне что нужно сделать, сейчас себя в уме спрашиваю: можно ли это сделать во славу Христову? Если можно, так делаю, а если нельзя – того не хочу делать.

– В этом, значит, твой главный катехизис?

– В этом, владыко, и главный и не главный, – весь в этом; для простых сердец это, владыко, куда как сподручно! – просто ведь это: водкой во славу Христову упиваться нельзя, драться и красть во славу Христову нельзя, человека без помощи бросить нельзя... И дикари это скоро понимают и хвалят: «Хорош, говорят, ваш Христосик – праведный» – по-ихнему это так выходит.

– Что же... это, пожалуй, хоть и так – хорошо.

– Ничего, владыко, – изрядно; а вот что мне нехорошо кажется: как придут новокрещенцы в город и видят всё, что тут крещеные делают, и спрашивают: можно ли то во славу Христову делать? Что им отвечать, владыко? Христиане это тут живут или нехристи? Сказать: «нехристи» – стыдно, назвать христианами – греха страшно.

– Как же ты отвечаешь?

Кириак только рукой махнул и прошептал:

– Ничего не говорю, а... плачу только.

Я понял, что его религиозная мораль попала в столкновение с своего рода «политикою». Он Тертуллиана «О зрелищах» читал и вывел, что «во славу Христову»

нельзя ни в театры ходить, ни танцевать, ни в карты играть, ни многого иного творить, без чего современные нам, наружные христиане уже обходиться не умеют. Он был своего рода новатор и, видя этот обветшавший мир, стыдился его и чаял нового, полного духа и истины.

Как я ему это намекнул, он мне сейчас и поддакнул.

– Да, – говорит, – да, эти люди плоть, – а что плоть-то показывать? – ее надо закрывать. Пусть хотя не хулится через них имя Христово в языцех. <...>

– Ну, – говорю, – хорошо; в катехизаторы ты, брат Кириак, совсем не годишься, а в крестители ты, хоть и еретичествуешь немножко, однако пригоден, и как себе хочешь, а я тебе снаряжу крестить.

Но Кириак ужасно взволновался и расстроился.

– Помилуй, – говорит, – владыко: к чему тебе меня нудить? Да запретит тебе Христос это сделать! И ничего из этого не последует, ничего, ничего и ничего!

– Отчего же это так?

– Так; потому что сия дверь для нас затворена.

– Кто же ее затворил?

– А тот, который имеет ключ Давидов: «Отверзаяй и никтоже отворит, затворяяй и никтоже отверзет». Или ты Апокалипсис позабыл?

– Кириак, – говорю, – многия книги безумным тя творят.

– Нет, владыко, я не безумен, а ты меня если не послушаешь, то людей обидишь, и Духа Святого оскорбишь, и только одних церковных приказных обрадуешь, чтобы им в твоих отчетах больше лгать да хвастать.

Я его перестал слушать, однако не оставлял мысли со временем его перекапризить и непременно его послать. Но что бы вы думали? – ведь не один простосердечный ветхозаветный Аммос, собирая ягоды, вдруг стал пророчествовать, – и мой Кириак мне напророчил, и его слова «да запретит тебе Христос» начали действовать. В это самое время я, как нарочно, получил из Петербурга извещение, что, по тамошнему благоусмотрению, у нас в Сибири увеличивается число буддийских капищ и удваиваются штаты лам. Я хоть и в Русской земле рожден и приучен был не дивиться никаким неожиданностям, но, признаюсь, этот порядок contra jus et fas – [Против закона и справедливости (лат.)] изумил меня, а что гораздо хуже, – он совсем с толку сбивал бедных новокрещенцев и, может быть, еще большей жалости достойных миссионеров. Весть с этим радостным событием, во вред христианству и в пользу буддизма, как вихрем разнеслась по всему краю. Для ее распространения скакали лошади, скакали олени, скакали собаки, и Сибирь оповестилась, что «все преодолевший и все отвергший» бог Фо[14] в Петербурге «одолел и отверг и Христосика». Торжествующие ламы уверяли, что уже все наше верховное правительство и сам наш далай-лама, то есть митрополит, приняли буддийскую веру. Перепугались миссионеры, известясь о сем; не знали, что им делать; иные из них, кажется, отчасти сомневались: уж и впрямь не повернуло ли в Петербурге дело на ламайскую сторону, как оно в то тонкое и каверзливое время поворачивало на католическую, а ныне, в сию многодумную и дурашливую пору, поворачивает на спиритскую[15]. Только нынче оно, разумеется, совершается спокойнее, потому что теперь кумир хотя и ледащенький выбран, но зато теперь и против этого рожна прать никому не охота; а тогда еще этой хладнокровной выдержки недоставало во многих и, в числе прочих, во мне грешном. Я не мог равнодушно смотреть на моих бедных крестителей, которые пешком плелись из степей ко мне под защиту. Им одним по всему краю не было ни лошадиной клячи, ни оленя, ни собаки, и они, Бог их знает как, лезли пешие по сугробам и пришли оборванные, обмаранные, истинно уже не как иереи Бога Вышнего, а как настоящие калики-перехожие. Чиновники и зауряд все управление без зазрения совести покровительствовали ламам. Мне приходилось сражаться с губернатором, чтобы сей христианский боярин хотя малость остепенял своих пособников, дабы они по крайней мере не совсем открыто радели буддизму. Губернатор, как водится, обижался, и у нас с ним закипела жестокая стычка; я ему на его чиновников жалуюсь, – он мне на моих миссионеров пишет, что «никто-де им не мешает, а они-де сами ленивые и

неискусные». А мои дезертировавшие миссионеры, в свою очередь, пищат, что им хотя, точно, рты тряпками не затыкают, но нигде ни лошадей, ни оленей не дают, потому что по степям всюду все люди лам боятся.

– Ламы, – говорят, – богаты – они чиновников деньгами дарят, а нам дарить нечем.

Что же мне было можно им в утешение сказать? Синоду, что ли, обещать представить, чтобы лавры и монастыри, имея «деньги многи», поделились с нашею бедностию и какую-нибудь сумму на взятки приказным отпустили, но боялся, что в больших залах в синоде это, чего доброго, за неуместное сочтут и, помолясь Богу, во вспомоществовании на взятки мне откажут, пожалуй. А к тому же еще и это средство в наших руках могло быть ненадежно: апостолы мои в самих себе такую слабость мне открыли, которая, в связи с обстоятельствами, получила очень важное значение.

– Нас, – говорят, – за дикарей жалость берет; из них с этой возней совсем последний толк выбьют; нынче мы их крестим, завтра ламы обращают и велят Христа порицать, а за штраф все что попало у них берут. Обнищевает бедный народ и в скоте и в своем скудном разуме, – все веры перепутал и на все колена хромает, а на нас плачется. <...>

И ходил я, ходил этот вечер с своею думою по моей пустой скучной зале и до тех пор доходился, пока вдруг мне пришла в голову мысль: пробежать самому пустыню.

Таким образом я надеялся уяснить себе если не все, то по крайней мере очень многое. Да, признаюсь вам, и освежиться хотелось.

Для совершения этого пути мне, при моей неопытности, нужен был товарищ, который хорошо бы знал инородческий язык; но какого же товарища лучше желать, как Кириака? И, не откладывая этого по своей нетерпеливости в долгий ящик, я призвал Кириака к себе, открыл ему свой план и велел собираться.

Он не противоречил, а, напротив, казалось, был даже очень рад и, улыбаясь, повторял:

– Бог в помощь! Бог в помощь!

Откладывать было незачем, и мы на другое же утро раным-рано отпели обеденку, оделись оба по-туземному и выехали, держа путь к самому северу. <...>

На третий день к вечеру и этот путь прекратился: снега стали рыхлее, и мы заменили нескладных оленей собаками – такие серенькие, мохнатые и востроухие, как волчки, и по-волчьи почти и тявкают. Запрягают их помногу, штук по пятнадцати, а почетному путнику, пожалуй, и больше зацепят, но салазки такие узенькие, что двоим рядом сидеть невозможно, и мы с отцом Кириаком должны были разделиться: на одних приходилось ехать мне с проводником, а на других – Кириаку с другим проводником. Проводники оба казались равного достоинства, да и с обличья их одного от другого даже и не отличишь, особенно как своими малицами[16] закутаются, – точно банные обмылки: что один, что другой – в обоих одна красота. Но Кириак нашел в них разницу и непременно настаивал, чтобы усадить меня с тем, который казался ему надежнее; а в чем он видел эту надежность – не объяснил.

– Так, – говорит, – владыко: ты в этом крае неопытнее меня, так ты с этим поезжай. – За это я его не послушал и сел с другим. Поклажу свою мы разделили, я взял себе в ноги узелок с бельем да с книгами, а Кириак надел на себя мирницу и дароносицу да взял в ноги кошель с толокном, сухой рыбкой и прочей нашей незатейливой походной провизией.

Уселись мы так, подоткнулись малицами, сверху по коленам оленьими кожами застегнулись и поскакали.

Езда эта была гораздо быстрее, чем на оленях, но зато сидеть так худо, что у меня с непривычки через час же страшно спину разломило. Погляжу на Кириака – он сидит как воткнутый столбушек, а я так и вихляюсь по сторонам – все баланс хочу удержать, и за этой гимнастикой даже не мог и поговорить с моим проводником. Узнал только, что он крещеный, и окрещен недавно моим зырянином, а поэкзаменовать его не успел. К вечеру я так измучился, что совсем держаться не мог и пожаловался Кириаку.

– Плохо, – говорю, – меня что-то сразу уже очень расшатало.

– А все это оттого, – отвечает, – что ты меня не слушал, – не с тем едешь, с которым я тебя сажал: этот лучше правит, покойнее. Яви ласку: пересядь завтра.

– Хорошо, – говорю, – изволь, пересяду, – и точно, пересел, и опять едем.

Не знаю: понавык ли я за прошлый день держаться на этих рожнах или действительно этот проводник лучше своим орстелем[17] правил, только мне спокойнее ехалось, так что я даже мог и побеседовать.

Спрашиваю его: крещеный он или нет?

– Нет, – отвечает, – бачка, моя некрещена, моя счастливая.

– Чем же ты так счастлив?

– Счастливая, бачка; меня, бачка, Дзол-Дзаягачи дала, бачка. Она меня, бачка, бережет.

Дзол-Дзаягачи у шаманистов такая богиня, дарующая детей и пекущаяся будто бы о счастии и здоровье тех, которые у нее вымолены.

– Так что же, – говорю, – а почему же не креститься-то?

– А она, бачка, меня не дает крестить.

– Кто это? Дзол-Дзаягачи?

– Да, бачка, не дает.

– Ага, ну, хорошо, что ты мне это сказал.

– Как же, бачка, хорошо?

– Да вот я тебя за это, назло твоей Дзол-Дзаягачи, и велю окрестить.

– Что ты, бачка? Зачем Дзол-Дзаягачи сердить? – она рассердится – дуть станет.

– Очень она мне нужна, твоя Дзол-Дзаягачи: окрещу, да и баста.

– Нет, бачка, она не даст обижать.

– Да какая тебе, глупому, в этом обида?

– Как же, бачка, меня крестить? – мне много обида, бачка: зайсан[18] придет – меня крещеного бить будет, шаман придет – опять бить будет, лама придет – тоже бить будет и олешков сгонит. Большая, бачка, обида будет.

– Не смеют они этого делать.

– Как, бачка, не смеют? Смеют, бачка, всё возьмут; у меня дядю, бачка, уже разорили... Как же, бачка, разорили, и брата, бачка, разорили.

– Разве у тебя есть брат крещеный?

– Как же, бачка, есть брат, бачка, есть.

– И он крещеный?

– Как же, бачка, крещеный, два раза крещеный.

– Что такое? Два раза крещеный? Разве по два раза крестят?

– Как же, бачка, крестят.

– Врешь!

– Нет, бачка, верно: он один раз за себя крестился, а один раз, бачка, за меня.

– Как за тебя? Что ты это за вздор мне рассказываешь?

– Какой, бачка, вздор! – не вздор: я, бачка, от попа спрятался, а брат за меня крестился.

– Для чего же вы так смошенничали?

– Потому, бачка, что он добрый.

– Кто это: брат-то твой, что ли?

– Да, бачка, брат. Он сказал: «Я все равно уже пропал – окрещен, а ты спрячься, – я еще окрещусь»; я и спрятался.

– И где же он теперь, твой брат?

– Опять, бачка, креститься побежал.

– Куда же это его, бездельника, понесло?

– А туда, бачка, где ныне, слыхать, твердый поп ездит.

– Ишь ты! Что же ему до этого попа за дело?

– А свои у нас там, бачка, свои люди живут, хорошие, бачка, люди; как же? Ему, бачка, жаль... он их жалеет, бачка, – за них креститься побежал.

– Да что же это за шайтан, этот твой брат? Как он это смеет делать?

– А что, бачка? ничего: ему, бачка, уж все равно, а тех, бачка, зайсан бить не будет, и лама олешков не сгонит.

– Гм! надо, однако, твоего досужего брата на примету взять. Скажи-ка мне, как его зовут?

– Куська-Демяк, бачка.

– Кузьма или Демьян?

– Нет, бачка, – Куська-Демяк.

– Да; по-твоему чище, – Куська-Демяк или меди пятак, – только это два имени.

– Нет, бачка, одно.

– Я тебе говорю – два!

– Нет, бачка, одно.

– Ну, тебе, видно, и это лучше знать.

– Как же, бачка, мне лучше.

– Но это его Кузьмой и Демьяном при первом или при втором крещении назвали?

Вылупился и не понимает; но, когда я ему повторил, он подумал и ответил:

– Так, бачка: это как он за меня крестился, тогда его стали Куська-Демяк дразнить.

– Ну, а после первого-то крещения вы как его дразнили?

– Не знаю, бачка, – забыл.

– Но он-то, чай, это знает?

– Нет, бачка, и он позабыл.

– Быть, – говорю, – этого не может!

– Нет, бачка, – верно, позабыл.

– А вот я его велю разыскать и расспрошу.

– Разыщи, бачка, разыщи; и он скажет, что позабыл.

– Да только уже я его, брат, как разыщу, так сам зайсану отдам.

– Ничего, бачка; ему теперь, бачка, никто ничего, – он пропащий.

– Через что же это он пропащий-то? Через то, что окрестился, что ли?

– Да, бачка; его шаман гонит, у него лама олешки забрал, ему свой никто не верит.

– Отчего не верит?

– Нельзя, бачка, крещеному верить, – никто не верит.

– Что ты, дикий глупец, врешь! Отчего нельзя крещеному верить? Разве крещеный вас, идолопоклонников, хуже?

– Отчего, бачка, хуже? – один человек.

– Вот видишь, и сам согласен, что не хуже?

– Не знаю, бачка, – ты говоришь, что не хуже, и я говорю; а верить нельзя.

– Почему же ему нельзя верить?

– Потому, бачка, что ему поп грех прощает.

– Ну так что же тут худого? Неужто же лучше без прощения оставаться?

– Как можно, бачка, без прощения оставаться! Это нельзя, бачка. Надо прощенье просить.

– Ну так я же тебя не понимаю; о чем ты толкуешь?

– Так, бачка, говорю: крещеный сворует, попу скажет, а поп его, бачка, простит; он и неверный, бачка, через это у людей станет.

– Ишь ты какой вздор несешь! А по-твоему это небось не годится?

– Этак, бачка, не годится у нас, не годится.

– А по-вашему как бы надо?

– Так, бачка: у кого украл, тому назад принеси и простить проси; человек простит, и Бог простит.

– Да ведь и поп человек: отчего же он не может простить?

– Отчего же, бачка, не может простить? – и поп может. Кто у попа украл, того, бачка, и поп может простить.

– А если у другого украл, так он не может простить?

– Как же, бачка? – нельзя, бачка: неправда, бачка, будет; неверный человек, бачка, везде пойдет.

«Ах ты, – думаю, – чучело этакое неумытое, какие себе построения настроил!» – и спрашиваю далее:

– А ты про Господа Иисуса Христа-то что-нибудь слыхал?

– Как же, бачка, – слыхал.

– Что же ты про Него слыхал?

– По воде, бачка, ходил.

– Гм! ну, хорошо – ходил; а еще что?

– Свинью, бачка, в море топил.

– А более сего?

– Ничего, бачка, – хорош, жалостлив, бачка, был.

– Ну, как же жалостлив? Что Он делал?

– Слепому на глаза, бачка, плевал, – слепой видел; хлебца и рыбка народца кормил.

– Однако ты, брат, много знаешь.

– Как же, бачка, – много знаю.

– Кто же тебе все это рассказал?

– А люди, бачка, говорят.

– Ваши люди?

– Люди-то? Как же, бачка, – наши, наши.

– А они от кого слышали?

– Не знаю, бачка.

– Ну, а не знаешь ли ты, зачем Христос сюда на землю приходил?

Думал он, думал, – и ничего не ответил.

– Не знаешь? – говорю.

– Не знаю.

Я ему все православие и объяснил, а он не то слушает, не то нет, а сам всё на собак погикивает да орстелем машет.

– Ну, понял ли, – спрашиваю, – что я тебе говорил?

– Как же, бачка, понял: свинью в море топил, слепому на глаза плевал, – слепой видел, хлебца-рыбка народца дал.

Засели ему в лоб эти свиньи в море, слепой да рыбка, а дальше никак и не поднимется... И припомнились мне Кириаковы слова о их жалком уме и о том, что

они сами не замечают, как края ризы касаются. Что же? И этот, пожалуй, крайка коснулся, но уж именно только коснулся – чуть-чуть дотронулся; но как бы ему более дать за нее ухватиться? И вот я и попробовал с ним как можно проще побеседовать о благе Христова примера и о цели Его страдания, – но мой слушатель все одинаково невозмутимо орстелем помахивает. Трудно мне было себя обольщать: вижу, что он ничего не понимает.

– Ничего, – спрашиваю, – не понял?

– Ничего, бачка, – всё правду врешь; жаль его: он хорош, Христосик.

– Хорош?

– Хорош, бачка, не надо Его обижать.

– Вот ты бы Его и любил.

– Как, бачка, Его не любить?

– Что? Ты можешь Его любить?

– Как же, бачка, – я, бачка, Его и всегда люблю.

– Ну вот и молодец.

– Спасибо, бачка.

– Теперь, значит, тебе остается креститься: Он и тебя спасет.

Дикарь молчит.

– Что же, – говорю, – приятель: что ты замолчал?

– Нет, бачка.

– Что такое: «нет, бачка»?

– Не спасет, бачка; за Него зайсан бьет, шаман бьет, лама олешков сгонит.

– Да; вот главная беда!

– Беда, бачка.

– А ты и беду потерпи за Христа.

– На что, бачка, – Он, бачка, жалостливый: как я дохнуть буду, Ему самому меня жаль станет. На что Его обижать!

Хотел было сказать ему, что если он верит, что Христос его пожалеет, то пусть верит, что Он же его может и спасти, – но воздержался, чтобы опять про зайсана да про ламу не слушать. Ясно, что Христос у этого человека был в числе его добрых, и даже самых добрых божеств, да только не из сильных: добр, да не силен, – не заступается, – ни от зайсана, ни от ламы не защищает. Что же тут делать? Как дикаря переуверить в этом, когда Христову сторону поддержать не с кем, а для той много подпор? Католический проповедник в таком случае схитрил бы, как они в Китае хитрили: положил бы Будде к ногам крестик, да и кланялся и, ассимилировав и Христа и Будду, кичился бы успехом, а другой новатор втолковал бы такого Христа, что в него и верить нечего, а только... думай о нем благопристойно и – хорош будешь. Но тут и это трудно, чем этот мой молодец станет раздумывать, когда у него вся думалка комом смерзлась и ему ее оттаять негде.

Припомнилось мне, как Карл Эккартсгаузен[19] превосходно, в самых простых сравнениях умел представлять простым людям великость жертвы Христова пришествия на землю, сравнивая это, как бы кто из свободных людей по любви к заключенным злодеям, сам с ними заключался, чтобы терпеть их злонравие. Очень просто и хорошо; но ведь у моего слушателя, благодаря обстоятельствам нет больших злодеев, как те, от кого он бегает из страха чтобы его не окрестили; нет у него такого места, которое могло бы произвести ужас в сравнении с страшным местом его всегдашнего обитания... Ничего с ним не поделаешь, – ни Массильоном[20], ни Бурдалу[21], ни Эккартсгаузеном. Вот он тебе тычет орстелем в снег да помахивает, рожа обмылком – ничего не выражает; в гляделках, которые стыд глазами звать, – ни в одном ни искры душевного света; самые звуки слов, выходящих из его гортани, какие-то мертвые: в горе ли, в радости ли – все одно произношение, вялое и бесстрастное, – половину слова где-то в глотке выговорит, половину в зубах сожмет. Где ему с этими средствами искать отвлеченных истин, и что ему в них? Они ему бремя: ему надо вымирать со всем родом своим[22], как вымерли ацтеки, вымирают индейцы... Ужасный закон! Какое счастье, что он его не знает, – и знай тычет себе орстелем – тычет направо, тычет налево; не знает, куда меня мчит, зачем мчит и зачем, как дитя простой душою, открывает мне, во вред себе, свои заветные тайны... Мал весь талант его и... благо ему: мало с него спросится... А он все несется, несется в безбрежную даль и машет своим орстелем, который, мигая перед моими глазами, начал действовать на меня как маятник. Меня замаячило: эти мерные взмахи, как магнетизерские пассы, меня путали сонною сетью; под темя теснилась дрема, и я тихо и сладко уснул

– уснул для того, чтобы проснуться в положении, от которого да сохранит Господь всякую душу живую! <...>

Публикуются отрывки из рассказа

Примечания

[1] Старинное кресло, в котором можно полулежать.

[2] Тюбинген – университетский город в Германии, прославившийся своим богословским факультетом; Женева -– центр реформатской церкви; Лондон – англиканской.

[3] В 1838 году Вятский епископ Нил был переведен из Вятки в Иркутск с повышением в чин архиепископа и пробыл в Сибири до 1854 г.

[4] Существа, достигшие совершенства в следовании учению Будды; боги и полубоги.

[5] В шаманизме – духи, олицетворяющие природу, стихии и т.д.

[6] Шаманские идолы, олицетворяющие души умерших предков.

[7] Бранил, усовещивал наедине.

[8] Гурий (ок. 1500-1563) – первый архиепископ Казанский (с 1555 г.) по завоевании Казани царем Иваном Грозным.

[9] Говорящий притчами. Здесь речь идет о царе израильском Соломоне, авторе Притчей Соломоновых.

[10] Слабосильны, не дюжи.

[11] Митрополит Московский Платон (Левшин, 1737-1812) – церковный писатель и выдающийся оратор.

[12] Кирилл Иерусалимский (315-386) – епископ, автор «Тайноводственных» проповедей.

[13] Основатель раннехристианской секты елениан.

[14] Прозвище Будды.

[15] В 70-е гг. XIX в. в Петербурге увлекались спиритизмом – шарлатанским производством «чудес», «вызовом духов», «столоверчением» и т. д.

[16] Шуба-рубаха из оленьей шкуры.

[17] Длинный шест, которым сдерживают и погоняют собак.

[18] Старшина.

[19] Карл Эккартсгаузен (1752-1803) – немецкий писатель-мистик. Сочинения его усердно переводились на русский язык и распространялись масонами в царствование Александра I.

[20] Жан-Батист Массильон (1663-1743) – знаменитый французский проповедник.

[21] Бурдалу (1632-1704) – иезуит, блестящий духовный оратор эпохи короля Людовика XIV. Как к Бурдалу, так и к Массильону Лесков проявлял немалый интерес.

[22] В «Путевых записках» архиепископ Нил дает страшную картину вырождения сибирских народов, обреченных на голод и вымирание.

Миссионерское Обозрение

Официальное издание Синодального миссионерского отдела Московского Патриархата Русской Православной Церкви
m.obozrenie@gmail.com

№4 (198) июль-август 2015 г.
Издается с 1996 г. Свидетельство о регистрации № 015413 от 18.11.1996 г.
Учредитель:
Синодальный миссионерский отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви

Главный редактор:
Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Белгородский и Старооскольский, председатель Синодального миссионерского отдела Московского Патриархата Русской Православной Церкви

Первый заместитель главного редактора:
протоиерей Андрей Королев
Заместитель главного редактора:
иерей Александр Короткий
Выпускающий редактор:
иерей Александр Гинкель
E-mail: **missi-ob@yandex.ru**

Вёрстка:
Андрей Кутковой
Корректура:
Людмила Огородова
Дизайн:
Татьяна Стрельникова

Адрес редакции:
308000, г. Белгород, проспект Славы, 31,
Издательский дом Белгородской митрополии
во имя священномученика Никодима, епископа Белгородского
Тел.: **8 (4722) 27-42-12**
E-mail: **otdel2006@yandex.ru**

Официальный сайт Синодального миссионерского отдела
Московского Патриархата Русской Православной Церкви
http://портал-миссия.рф

Отпечатано в ЗАО “Белгородская областная типография”
г. Белгород, проспект Б. Хмельницкого, 111 а.
Заказ 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0. Тираж 1820.

.M@

m.obozrenie@gmail.com

Корабль-церковь “Святой апостол Андрей Первозванный” отправился в миссионерский рейс

Редакция журнала “Миссионерское обозрение”
308000, г. Белгород, проспект Славы, 31.
Тел.: (4722) 27-42-12.